INSPIRIA

Я влюбилась в эту книгу.
Риз Уизерспун

Последняя история Мины Ли

18+

НЭНСИ ЧЖУЁН КИМ

INSPIRIA

Novel. Серьезный роман

Нэнси Чжуён Ким

Последняя история Мины Ли

«Эксмо»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ким Н.

Последняя история Мины Ли / Н. Ким — «Эксмо», 2020 — (Novel. Серьезный роман)

ISBN 978-5-04-157449-9

Мама любит быструю езду. Мама плохо знает английский. Мама покупает сливочное мороженое. Мама не любит вспоминать о прошлом. Мама красивая. Мама смелая. Мама одинокая. Мама перестала отвечать на звонки. Мама найдена мертвой в среду. Кто же ты, мама? Идеальный роман для поклонников Селесты Инг и Лианы Мориарти. Выбор книжного клуба Риз Уизерспун Reese's Book Club.Звездный дебют Нэнси Чжуён Ким. Это захватывающая история о том, где семьи хоронят секреты и о том, что будет, если эти секреты раскопать. «Последнюю историю Мины Ли» можно сравнить с оскароносной картиной «Паразиты». Кто бы мог подумать, что за обычной корейской семьей так интересно наблюдать? Роман-загадка, в который вплетен детективный сюжет и психология человеческих взаимоотношений.

Это увлекательная история, чисто спетая на два голоса, такая сложная, яркая, колючая и едкая. Это история матери и дочери, которые всю жизнь пытались понять друг друга. Это история двух женщин, которые хотели быть счастливыми. «Нэнси Чжуён Ким исследует значение семьи, дома и языка, который разделяет как океан, и соединяет как мост». — Хлоя Бенджамин

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-157449-9

© Ким Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Марго 7
Мина 14
Марго 20
Мина 29
Марго 34
Мина 38
Марго 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Нэнси Чжуён Ким
Последняя история Мины Ли

Nancy Jooyoun Kim
THE LAST STORY OF MINA LEE
Copyright © 2020 by Nancy Jooyoun Kim

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Веры Сухляевой
Художественное оформление Екатерины Петровой
В оформлении переплета использованы фотографии:
© Luis Molinero, metamorworks / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Сухляева В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается матери

어머니께

Марго

Осень 2014 г.

Последний разговор с матерью показался Марго непримечательным, совершенно заурядным – унылая, заедающая шарманка на двух языках, понятная лишь наполовину.

«Покупателей почти нет. Корейцы закрывают свои лавки даже в центре».

«Что ты ела на ужин?»

«Теперь все ходят в сетевые супермаркеты вроде «Таргета», цены такие же, да и чище».

Мозг Марго напоминал рыболовную сеть с крупным плетением, через которую, как мелкие рыбешки, проскальзывали корейские слова. Когда-то она пыталась эту сеть затянуть, но изучение иностранных языков, особенно родного языка матери, лишь выводило ее из себя. Ну почему мама так и не выучила английский?

Однако тот разговор состоялся две недели назад, и с недавнего времени Марго мучил только один вопрос: почему мама не берет трубку?

Ливень хлестал не переставая. В запотевшем лобовом стекле, по которому беспрерывно скользили дворники, расплывчато мелькали забегаловки и заправки, мотели и рекламные щиты, люксовые аутлеты и семейные развлекательные центры. Марго вцепилась в руль мокрыми, дрожащими руками. Дождь начался час назад, когда они с Мигелем остановились на севере Портленда, чтобы глянуть на знаменитую десятиметровую статую Поля Баньяна – героя американского фольклора, гигантского дровосека в красно-белой клетчатой рубашке на выпяченной груди, с сияющей мультяшной улыбкой и топором, который он держал перед собой обеими руками.

День начался еще в Сиэтле с того, что Марго набила дорожную сумку и рюкзак вещами на неделю и заехала за Мигелем с его двумя большими чемоданами и тремя растениями в горшках, после чего они отправились в долгий путь на юг, в Лос-Анджелес, где жила мама Марго и куда переезжал Мигель. Они планировали переночевать у его родителей в Дейли-Сити, до которого еще предстояло ехать около десяти часов.

В начале поездки Мигель оживленно подпевал по радио *Don't Stop Believin'* и шутил о мужчинах, которых встретит в Лос-Анджелесе. Однако теперь, почти четыре часа спустя, он молча смотрел в окно, подперев голову ладонью, и глубоко дышал, словно изо всех сил стараясь ни о чем не думать.

– Эй, ты чего приуныл? – спросила Марго.

– Да так – задумался о родителях.

– О чем именно? – Она надавила на газ.

– О том, что вру им.

Мигель устроился в бухгалтерскую фирму в Лос-Анджелесе – поближе к своей мечте играть в театре. Последние два года они вместе работали в некоммерческой организации для людей с ограниченными возможностями: Марго – помощником по административным вопросам, а он – бухгалтером. Хоть ей и не хотелось расставаться с другом, она была за него рада.

– Врешь о настоящей причине переезда? Или о занятиях по актерскому мастерству? Или о пьесах, которые пишешь? Или о профиле в «Грайндере»?[1]

[1] «Грайндер» – мобильное приложение для знакомства людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (*здесь и далее – прим. пер.*).

– Обо всем вместе.

– Ты никогда не хотел им признаться?

– Хотел. – Мигель вздохнул. – Но так проще.

– Думаешь, они сами не догадываются?

– Конечно, догадываются… – Он устало провел рукой по волосам. – Иногда семья держится на лжи.

– Ха! А как тогда называются люди, чьи отношения держатся на правде?

– Ну, я лично с такими не знаком… может, ученые?

Марго рассмеялась, хотя надеялась услышать в ответ: «Друзья». Она заметила указатель Сейлема и вдруг осознала, как у нее онемели руки.

– Тебе не нужно в туалет?

– Не-а. Мы ведь остановимся в Юджине?

– Ага, через час или около того.

– Я бы перекусил. – Порывшись в рюкзаке на заднем сиденье, Мигель достал яблоко и протер его краем рубашки. – Будешь?

– Пока нет, спасибо.

Его зубы с хрустом вонзились в сочную мякоть, чей сладкий аромат расползся по салону, смешавшись с запахом сырых ковриков и обогревателя.

Перед мысленным взором Марго внезапно вспыхнула картинка из прошлого: безмятежное лицо матери, ее высокие скулы, опущенные глаза, расслабленный рот – она чистит яблоко, создавая длинную ленту кожуры, которая принимает форму прежней жизни. В детстве Марго бережно, как маленького зверька, брала эту ленту в руки. Она словно подтверждала, что мама может быть своего рода волшебницей – творцом, рассказывающим историю целого с помощью его частей: вот кожура плода, таков его запах, таков цвет, такова форма.

– Надеюсь, погода прояснится, – прервал воспоминание Мигель. – В Калифорнии нас ждет участок узкого серпантина с сильным ветром, где придется ехать по краю обрыва. Прямо-таки испытание водительских навыков.

– О боги! Давай не будем об этом.

Марго сосредоточилась на скользкой от дождя дороге, расплывчатых огнях, желтых и белых линиях разметки, похожих на разматывающуюся пряжу. Вновь вернулись мысли о матери, которая терпеть не могла ездить по трассе, – о матери, которая не брала трубку. Где же она?

Заскрипели дворники, очищая лобовое стекло от потоков дождя.

– А ты как? – спросил Мигель. – С нетерпением ждешь встречи с мамой?

У Марго похолодело внутри.

– Вообще-то я уже несколько дней пытаюсь до нее дозвониться и предупредить о нашем приезде. – Она сжала руль и вздохнула. – Вообще-то я не хотела ей говорить, а потом мне стало стыдно, ну и…

– И чего?

– Не знаю, она не берет трубку.

– Хм… – Мигель заерзал. – Может, телефон разрядился?

– У нее стационарный. Даже два – на работе и дома.

– Может, куда-то поехала?

– Она никуда не ездит.

На запотевшем лобовом стекле виднелись разводы от предыдущих попыток его очистить. Марго резко втянула носом воздух.

– Неужели ей никогда не хотелось попутешествовать? – недоуменно нахмурился Мигель.

– Ну, она всегда мечтала побывать в Йосемитском национальном парке и Гранд-Каньоне. Даже не знаю почему.

– Старая добрая трещина в земле, Марго. Божественное творение. Неудивительно, что ей хотелось на нее поглядеть.

– Для корейских иммигрантов это что-то вроде ритуала – поездить по национальным паркам, надев походные шляпы, штаны хаки и тому подобное. Такие места для них как символ Америки.

– Уверен, с твоей мамой ничего не случилось, – попытался успокоить ее Мигель. – Когда вы в последний раз виделись?

– На прошлое Рождество.

– Может, у нее куча дел. Скоро приедем и узнаем.

– Да, наверное. Наберу ей еще раз, когда остановимся.

Тугой ком в груди все нарастал. Марго нервно покрутила радио, но шли одни помехи, сквозь которые изредка прорывались отрывки рекламы и голос ведущего.

С мамой все будет в порядке. И с ними все будет в порядке.

Теперь, после переезда Мигеля, у Марго появится повод чаще приезжать в Лос-Анджелес. Дорога впереди походила на яблочную кожуру. Дворники безжалостно сметали со стекла капли дождя.

В Калифорнийском городке Реддинге, окруженном горами и густым лесным заповедником, Марго с Мигелем остановились в первой попавшейся закусочной – с засаленными ложками, красными диванчиками из дерматина, музыкальным автоматом и официанткой в белой форме. Хостес, светловолосая девушка с хвостом на макушке, подвела их к одному из столиков и вручила ламинированные меню. За стойкой в одиночестве сидел старик в сетчатой кепке, которые обычно носят дальнобойщики, за соседним столиком две девочки раскрашивали бумажные салфетки под присмотром родителей.

Родом из Лос-Анджелеса, из Корейского квартала, где повсюду одни корейские да мексиканские кафешки, Марго всегда считала классические американские закусочные «очаровательными» и «романтичными» – они часто выступают декорацией для фильмов и рассказов о скромном героизме порядочных, трудолюбивых белых американцев, отдыхающих перед очередным подвигом. Когда Марго переехала в Сиэтл восемь лет назад, у нее появились первые белые друзья – люди, которых будто совсем не заботят их корни, цвет кожи и внешность в целом; словно весь мир создан для них – что в некотором роде правда. Многие из них – с голубыми глазами и узкими носами, – даже не обладая модельной внешностью, казались привлекательными просто потому, что были белыми.

Марго не нравилось так думать, поскольку чисто теоретически это глупость. Красота всего лишь социальный конструкт. Однако теория далека от реальности, в которой мы живем. Теория не течет в крови. Теория не вычеркнет из памяти Марго годы, которые она провела перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение и видя лишь пустое место – не главную героиню и не красавицу, а максимум персонажа второго плана или бессловесную массовку, которая в лучшем случае сойдет для экзотики, оставаясь безличной и неинтересной. В юношестве Марго часто мечтала: «Вот бы у меня были большие глаза. Вот бы у меня были каштановые волосы вместо черных. Вот бы, вот бы…»

Официантка принесла заказ, прервав ее размышления. Марго с Мигелем тут же набросились на чизбургер, картошку фри, сэндвич с тунцом на ржаном хлебе и томатный суп. Марго попыталась есть медленнее, но все было слишком вкусным, слишком идеальным и очень американским. Их окружали лишь звуки поедания пищи и поглощения напитков: чавканье и прихлюпывание – настоящий оркестр удовольствия. Она хотела остаться в этой закусочной навечно – забыть о проблемах, о Лос-Анджелесе, о матери.

– Ну что, снова в путь? – спросил Мигель. – Хочешь, я поведу?

Они расплатились и вышли на улицу. Тучи рассеялись, открыв вечернее небо, обещавшее звездную ночь. Луна сияла серебристо-белым светом, как дверной глазок, подсвеченный изнутри. Похолодало. Марго пожалела, что не взяла с собой зимнее пальто, а ограничилась ветровкой и несколькими свитерами, поскольку зима в Лос-Анджелесе теплее, чем в Сиэтле.

Мигель подогнал зеркала и сиденье в машине под свой рост – верхушка его уложенных волос касалась крыши – и выехал на шоссе. Ловко лавируя между медлительными водителями, он всегда включал поворотники и никого не подрезал. Марго даже не представляла, что ее машина может быть такой быстрой и проворной, не представляла, как такая уверенность и бесстрашие могут одновременно впечатлять и ужасать. Сама она всегда ездила медленно, как привыкла с мамой.

Мама терпеть не могла дальние поездки. Она редко говорила о прошлом, но однажды обмолвилась, что, когда ей было четыре года, во время войны в Корее ее семья бежала на юг. В тот кровавый период она потеряла родителей в толпе и больше никогда их не видела. Для мамы путешествия, по сути, сочетались с чувством утраты, неведомом дочери, родившейся и выросшей в Америке. И все же Марго унаследовала от матери страх быстрой езды, особенно по трассе. Она слишком много думала о скорости и об опасности вместо конечной цели путешествия.

Когда они выехали на прямую, почти пустую дорогу через фермы и поля, Марго распустила волосы и начала успокаиваться, напряжение медленно уходило из плеч и рук. Над ними простиралось широкое чернильно-синее небо с мириадами звезд, сияющих из далеких галактик.

Однажды, когда Марго было лет шесть, они с мамой забрались в их старый «олдсмобиль» и отправились на выходные в Лас-Вегас – то была их единственная дальняя поездка, так как мама никогда не брала на работе больше одного отгула. Всю дорогу она ехала ниже разрешенной скорости по крайней полосе, тем самым растянув четырехчасовую поездку на целый день. Мимо с гудками проносились легковые и грузовые автомобили. Из открытых окон пахло бензином, мескитом[2] и шалфеем. Пыль покрывала лицо и руки утомленной от дороги Марго.

– Куда мы едем? – спросила она тогда маму.

– В одно особенное место, – ответила та.

– А там будет мороженое?

Мама посмотрела на Марго в зеркало заднего вида, и взгляд ее карих глаз, стальной всю дорогу, смягчился.

– Будет.

Когда они выехали на главную улицу Лас-Вегаса, Марго принялась с восхищением глазеть на светящиеся вывески – страну чудес со всевозможными развлечениями и удовольствиями. Там было все, что душе угодно: мороженое, игры, мягкие игрушки, чизбургеры на завтрак и даже стены из леденцов, которые можно лизать. Однако вместо того, чтобы наслаждаться всеми этими чудесами, бóльшую часть следующего дня они проторчали в убогом мотеле на окраине Вегаса, чего-то ожидая – Марго так и не узнала, чего или кого.

На следующее утро они уехали. У мамы был такой подавленный вид, что у Марго не хватило духу спросить, чего ради они проделали весь этот долгий путь. Ей казалось, мама не умеет говорить о том, что причиняет ей боль. Возможно, она ошибалась. Возможно, теперь, став взрослой, Марго сможет понять и поддержать маму, несмотря на языковой барьер.

Вокруг царила тьма, только над головой мерцали звезды, а фары освещали дорогу впереди. Создавалось впечатление, будто они в ракете несутся в неизвестность – в пустоту, наполненную нескончаемыми всполохами звезд, планет и крошечных галактик.

Марго закрыла глаза. Почему же мама не берет трубку?

---

[2] Мескит – цветущие деревья, распространенные на юге США и в Мексике.

Переночевав у родителей Мигеля, они продолжили путь, вернувшись на межштатную автомагистраль. По местной радиостанции сообщали о разорительной засухе. Марго и не осознавала, как сильно любит солнце – вечное сияние Лос-Анджелеса, – пока не переехала в Сиэтл с его серостью и длинными холодными днями. В детстве наполненное светом небо угнетало своим постоянством; ее гардероб почти полностью состоял из шорт и футболок, что наводило тоску. Такая одежда и жара отлично подходили для выходных, только Марго с мамой допоздна работали на рынке шесть дней в неделю, и времени на отдых никогда не оставалось. И теперь, созерцая выжженную солнцем растительность на фоне безоблачного голубого неба, Марго упивалась их теплом и светом, словно сбежавший из тюрьмы заключенный.

Несколько часов спустя, когда они выехали на шоссе 101, солнце начало свой тягучий спуск, окрашивая небо в приглушенный синий цвет, который ближе к горизонту превращался в насыщенно-розовый, на западе переходящий в ослепительно-оранжевый. Около получаса они плелись в колонне других машин, в которых виднелись типичные для Лос-Анджелеса физиономии – скучающие, с пустым, потухшим взглядом, – и, наконец повернув на Нормандия-авеню, двинулись по шумным улицам родного Корейского квартала. Мимо проносились знакомые скопления вывесок на корейском, торговые площади, люди: родители, одной рукой держащие детей, а другой – сумки с продуктами, сгорбленные старики в шляпах, медленно ковыляющие по улицам, подростки в мешковатых штанах и с рюкзаками.

– По-моему, я здесь никогда не бывал, – сказал Мигель, с любопытством оглядываясь.

– Ты же вроде несколько раз приезжал в Лос-Анджелес?

– Ага, но обычно лишь проносился по стандартному туристическому маршруту: в Санта-Монику, Венецию, Беверли-Хиллз, в центр.

– Ну, в общем-то, в Корейском квартале нет ничего примечательного, кроме разве что еды. Хотя сейчас все меняется. – Марго рассказала, что за последние годы предприниматели понастроили игровых площадок, многоэтажек, отелей и ресторанов для гламурных и богатых. – Так странно, кому тут может быть интересно?

– Просто квартал считается экзотическим, вот и все. Людям нравится экзотика. Это называется «спуститься на дно» – богачи нисходят к беднякам забавы ради.

Марго покачала головой.

– Мне никогда не нравилось отличаться. В детстве я мечтала о всем том, что видела по телевизору: о посудомоечной машине, нормально закрывающихся окнах и заднем дворике.

– У вас разве не было двора? Даже у бедняков они есть, Марго! Такие, знаешь, с бельевыми веревками, петухами и хромающими собаками. – Мигель улыбнулся, и Марго рассмеялась.

– Мы жили в квартире, где сейчас живет мама. У нас никогда не было своего дома.

Как раз в этот момент они подъехали к маминому многоквартирному дому – неприметному трехэтажному зданию с серой штукатуркой и решетками на окнах первого этажа. Впереди росли большие агавы, напоминающие усталых охранников. Мама жила на втором этаже в двухкомнатной квартире с небольшим балконом на северной стороне, выходящим на переулок и другое, почти идентичное здание.

– Посидим немного? – попросила Марго. Откуда-то из глубины всплыло привычное смущение, развившееся в детстве, когда она приводила домой одноклассников для работы над групповыми заданиями. Ни Марго, ни мама никогда не устраивали вечеринок и не приглашали никого в гости просто так. Как бы мама ни старалась поддерживать чистоту, квартира всегда казалась жалкой и неаккуратной, больше похожей на чулан для вещей, сна и ссор, чем на родной дом. Однако разве мама могла позволить себе что-то получше?

Местность столь отличалась от района Марго в Сиэтле – с зелеными деревьями, открытым небом и окнами без решеток, – что она устыдилась дома, в котором выросла. Не то чтобы у нее не было проблем в Сиэтле, просто они не так бросались в глаза – ее по-прежнему пере-

полняли сомнения, она с трудом сводила концы с концами и боялась ходить одна по темным улицам, постоянно оглядываясь через плечо. Может, именно поэтому она не могла смело идти вперед, оставив прошлое позади – жизнь приучила ее всегда оборачиваться. Не глядя вперед, она спотыкалась и падала.

Мигель коснулся ее руки, пытаясь успокоить.

– Хочешь еще раз ей позвонить? У нее есть мобильный?

Марго глубоко вздохнула, собираясь с силами, и отстегнула ремень безопасности.

– Есть, для экстренных случаев, но он постоянно выключен. Это телефон-раскладушка, и мама не умеет проверять голосовую почту.

– Кошма'г! – возмутился Мигель, комично изображая французский акцент.

– Да уж, в плане технологий она живет в каменном веке. К тому же не умеет читать по-английски, а теперь еще и зрение испортилось. Я плохо знаю корейский, чтобы ей помочь. Мы из-за этого постоянно ругаемся.

Сколько же времени потратила Марго, пытаясь что-то объяснить маме по-корейски? Счета за коммунальные услуги, как управляться с пультом, полис автострахования. Слова с трудом выкатывались изо рта, как камни. В такие моменты Марго почему-то всегда срывалась и начинала кричать на мать, как та часто делала много лет назад, ругая дочь за плохое поведение – когда та опаздывала, пропускала церковную службу и даже когда болела и нужно было вести ее в больницу.

Однажды мама закричала: «И где я возьму деньги на больничные счета? Ну почему ты себя не бережешь?» У нее не было времени на сочувствие. Ей всегда нужно было куда-то бежать, что-то делать. Если остановится – утонет.

– Ты не подождешь в машине? – попросила Марго Мигеля.

Сломанная входная дверь пронзительно скрипнула, а затем громко захлопнулась за спиной. Затаив дыхание, Марго поднялась на второй этаж по темной сырой лестнице, пропахшей мокрыми носками и старой краской, и постучала в родную квартиру. Дверной глазок был пустым и темным.

Привычным движением Марго провернула ключ в замке, который оказался не заперт, а затем опустила ручку. Большую часть детства она боялась того, что было за этой дверью, но вовсе не из страха, а из презрения и злобы – презрения к матери, к ее ужасному английскому, презрения к нищете, к отсутствующему, сбежавшему отцу-трусу; презрения к затертой, разваливающейся на части мебели; презрения к себе, к своей жизни. Марго хотела, чтобы весь мир исчез, чтобы он сгорел дотла.

Дверь отворилась, и в нос ударил запах гнилых фруктов – резкий и удушающий, – накрывший ее, словно цунами. К горлу тут же подступила тошнота. Марго зажала нос рукой и включила свет. На полу валялась разбитая статуэтка Девы Марии, на кофейном столике были разбросаны туристические брошюры, и во всем этом родном хаосе на ковре лицом вниз лежала мама – правая рука вытянута вперед, левая прижата к телу, на ногах бежевые капроновые носки.

Позже Марго вспомнит пронзительный вопль и поймет, что кричала она.

Она рухнула на колени. Коридор заливало мягкое янтарное сияние заходящего солнца. Лицо вспыхнуло, и Марго прижалась лбом к полу, почувствовав кожей холодную головку гвоздя. Внезапно чьи-то руки схватили ее за плечи, помогая подняться. Шатаясь, на слабых ногах они с Мигелем спустились вниз и вышли на улицу.

Солнце скрылось за горизонтом, и небо превратилось в огромный лиловый синяк – жестокий свет оставил свой след.

Марго сидела прямо на перекошенном бордюре дороги, обняв колени и уронив голову на руки. Рядом примостился Мигель. Икая сквозь слезы, она жадно хватала ртом воздух.

Может, следовало проверить пульс? Может, не надо было звонить в полицию? А вдруг мама просто сильно ушиблась или пьяна? Нет, она никогда не пила, и люди без сознания не лежат на полу вот так, лицом вниз. К тому же Марго была невыносима мысль вернуться в ту комнату – к мертвому телу, к тошнотворному запаху. Вот и повидалась с мамой после почти года разлуки.

Там, на полу гостиной, лежала омма́[3]. Ее голова. Ее ноги.

Вдалеке завыли сирены, становясь все громче по мере приближения. Марго направила врача «Скорой помощи» и двух полицейских в квартиру, оставшиеся двое начали ее расспрашивать. Она ужаснулась от того, как мало могла рассказать, но сообщила общие сведения о жизни матери – что та целыми днями работала на рынке и ходила в церковь.

Некий коренастый кореец лет шестидесяти – возможно, хозяин дома или уборщик – довольно долго разговаривал с полицейскими, затем закурил на тротуаре рядом с несколькими любопытными, привлеченными мигалками.

Ее тело в черном мешке увезли на носилках. Ее звали Мина. Мина Ли.

Она была матерью Марго.

[3] Мама (*кор.*).

Мина

Лето 1987 г.

Мина вышла из самолета прямо в пекло с твердой уверенностью, что совершила роковую ошибку. Однако пути назад нет. Вселенная раскрыла свою пасть и поглотила ее. Но разве с ней такое впервой?

Она напомнила себе, что международный аэропорт Лос-Анджелеса гораздо организованнее и безопаснее, чем в Сеуле или любом другом большом городе, и постаралась отогнать воспоминание о кричащей, плотной толпе, в которой потеряла родителей, когда они бежали на юг во время войны. В голове пронеслось, как ее маленькие ручки пытаются ухватить руку матери, как ее сносит потоком тел и в какой-то момент она теряет родителей из виду. Кругом чужие лица, искривленные страданием и болью, повсюду лежат мертвые, упавшие старики и обессиленные голодом люди, которым больше не за что бороться.

В груди отчаянно колотилось сердце, Мина пробиралась к выходу из аэропорта сквозь шумную толпу, как тогда, в далеком детстве. И как тогда – в одиночестве.

Поток людей двигался в одном с ней направлении; друзья и родственники с улыбками обнимались, целовались, мимо чинно проплывали бизнесмены в серых и темно-синих костюмах. Мина теперь была в другой стране – чужая, одинокая. Сердце колотилось, дыхание сдавило, прошиб холодный пот. Что, если она упадет в обморок, не успев выйти?

По документам Мина Ли приехала на месяц в отпуск, в гости к подруге с работы. Она всегда мечтала побывать в Америке, посмотреть достопримечательности: Диснейленд, пляжи, Йосемитский парк. По документам она приехала отдохнуть и повеселиться, после чего вернется к своей жизни в Сеуле, к работе дизайнера женской повседневной одежды.

Документы не сообщали, что Мина собирается найти здесь работу и начать новую жизнь, что надеется отыскать работодателя, который поручится за нее, а если не выйдет, она все равно останется здесь – невидимая, нелегальная. Документы не сообщали, что ей незачем возвращаться, что она больше ничем не дорожит, ни к чему не стремится. Документы не сообщали, что она больше не может сидеть на месте, жить в пустой квартире, больше не способна выносить родного города, населенного призраками прошлого, этих искалеченных улиц, этого искалеченного дома. Документы не сообщали, что багаж при ней – все, что у нее осталось. Все ее имущество компактно разложено по двум чемоданам. Продавая и раздавая почти все свои вещи, Мина совершала своеобразный акт самосожжения. Она оставила лишь самое необходимое для того, чтобы продержаться до тех пор, пока бог не решит забрать ее домой, что бы это ни значило.

Когда она наконец вышла из аэропорта на жаркий воздух и солнечный свет, ее накрыла волна облегчения. Ослабив на шее шелковый шарф ручной работы цвета сиены и охры, Мина достала из сумочки салфетку, чтобы вытереть пот со лба.

Она заранее позаботилась о жилье – сняла маленькую комнатку в доме аджуммы[4], живущей в Корейском квартале без семьи. Это место порекомендовала Мине подруга, миссис Син – бывшая коллега, которая три года назад иммигрировала в Америку с мужем и двумя детьми.

Подойдя к краю тротуара, Мина остановила такси. Водитель – высокий сикх – помог засунуть два огромных чемодана в багажник. Мина внезапно осознала, что никогда прежде не встречала сикхов.

---

[4] Аджумма – «тетя» на корейском, так обычно называют женщин средних лет из рабочего класса.

Несмотря на открытое окно, в салоне была парилка. Пот уже заливал ей лицо и шею. Мина протянула водителю листок в линейку с адресом на английском, написанным кривым, угловатым почерком, выдающим ее нервозность, – она словно подписывала контракт на всю жизнь.

– Вы тут впервые? – спросил водитель, дружелюбно глянув на пассажирку в зеркало заднего вида. Его темный тюрбан касался крыши машины.

– Про-стите? – неуверенно переспросила та на английском.

– Впервые тут?

– Ох! – Она принялась лихорадочно копаться в памяти в поиске английских слов, будто в комоде с кучей ящичков.

– Не говорите по-английски? – понял ее затруднения водитель.

– Нет, – покачала она головой.

– По-китайски?

– Корея.

Водитель выехал на шоссе. Мина заметила, что шум дорожного движения складывается в своеобразную грубую симфонию, где грузовики исполняют роль труб, визг тормозов – скрипки, ругань водителей – хора. Из окна одной машины грохотала синтетическая поп-музыка, в то время как из другой будто с пластинки играла старая песня Тодди Ти *The Batterram.* Мужской выкрик: «Чтоб тебя!» – походил на звон тарелок.

Влажная одежда липла к телу. Мина вытерла с лица пот, стараясь не испортить макияж, и вцепилась в подлокотник на дверце.

Всматриваясь в прохожих на улицах Лос-Анджелеса, Мина гадала, где же все корейцы. В соседних машинах время от времени мелькали привычные азиатские лица, но здесь, в этой дисгармонии бетона, металла и стекла, пахнущей бензином и резиной, не встречалось ничего родного. Она чувствовала себя бесплотной в этом новом месте, языка которого не знала, вывески и рекламные щиты кричали что-то по-английски – сплошную бессмыслицу.

Мина порылась в сумочке и достала фотографию, которую всегда носила с собой. На ней она была запечатлена с мужем и дочерью – оба погибли. Держа снимок дрожащими руками, Мина провела большим пальцем по лицу мужа, потом по лицу дочери, мягкому и безмятежному после целого дня прогулок по лесу. Ей захотелось поцеловать фотографию. Внезапно вспомнился последний разговор с дочерью и как Мина отругала ее из-за какого-то пустяка – кажется, из-за разбитой тарелки.

Знала бы тогда Мина, что видит дочь в последний раз, стала бы она кричать? Конечно, нет. Она бы прижала ее к себе и поцеловала. Она бы призналась, что, когда та все ломает и устраивает беспорядок, маме становится страшно, поскольку она не готова расстаться хоть с чем-то в этой жизни, даже с какой-то мелочью. У нее недостаточно сил, чтобы каждый раз восстанавливаться.

А потом произошло то, чего Мина боялась больше всего, – она вновь все потеряла.

– Вот мы и приехали.

По щекам катились слезы. Лицо водителя в зеркале заднего вида нахмурилось. Он вытащил чемоданы на бетонную дорожку, которая плавно спускалась ко входу в дом, такой же искалеченный, как и сама Мина, с потрескавшейся бежевой штукатуркой, заклеенными скотчем окнами. Повсюду хаотично росли апельсиновые и лимонные деревья и сорняки. Черепица на крыше местами отвалилась, местами покосилась. Мина положила фотографию обратно в сумочку и осторожно вытерла слезы, прежде чем постучать в дверь.

Водитель стоял рядом, ожидая ответа. Она чувствовала себя неловко, не зная, как отблагодарить его за молчаливое присутствие, которое ее успокаивало. Она еще раз постучала. Дверь отворила женщина лет пятидесяти с коротким каштановым каре, седым у корней, она склонила голову и поздоровалась с Миной на корейском.

– Миссис Ли?

– Это я. – Мина повернулась к водителю. – Спасибо. Как… много?

– О, нисколько. В следующий раз. – Он протянул ей визитную карточку. – Можете расплатиться в следующий раз.

– Нет, нет. – Мина полезла в сумочку за деньгами.

Водитель занес чемоданы в дом и ушел, но в конце тропинки остановился и, повернувшись, сказал:

– Удачи. Все наладится.

Мина лишь помахала ему на прощание, не найдя слов.

– Позвольте помочь вам с вещами, – предложила хозяйка. – Вы, должно быть, устали.

– Нет, ничего.

Они взяли по чемодану и прошли в глубь дома, темного и прохладного, как пещера. Вентилятор в углу гостиной развевал занавески. На замусоленных стенах не было никаких картин или фотографий, за исключением нескольких портретов Иисуса. На тумбочке стояла керамическая статуэтка Девы Марии.

– Я покажу вам вашу комнату.

Мина лежала на своей двуспальной кровати, страстно желая что-нибудь предпринять: сходить за продуктами, найти работу, позвонить миссис Син – что угодно. Но в ее комнату еще не провели телефон, а разложенная туристическая карта Лос-Анджелеса, которую она привезла из Кореи, сбивала с толку: главные достопримечательности, такие как голливудская «Аллея славы», Беверли-Хиллз и Диснейленд, разделялись несколькими километрами автострады. Мина уставилась в потолок молочного цвета, оцепенев от страха перед необходимостью решать, что делать дальше. Ей предстояло еще столько всего изучить.

Закрыв глаза, Мина глубоко вздохнула, стараясь не паниковать – стараясь ничего не чувствовать. Она устала чувствовать.

Она попросила бога ей помочь, указать верный путь.

Почти вся ее собственность в Сеуле была распродана, заявление на увольнение – подписано. Без мужа и дочери ей нечего делать в той стране, на тех улицах, в узких переулках, где шаги эхом отдавались от стен. Мине оставалось лишь покориться судьбе, которая привела ее прямо в эту комнату с открытыми окнами, где она теперь лежала, покрытая липким потом, на чистых чужих простынях, уставившись в потолок – тоже чужой.

В дверь постучали.

– Да? – ответила Мина на корейском, садясь и стараясь не смять лежащую рядом карту.

– Здравствуйте, – прозвучал незнакомый женский голос, немного хриплый, но четкий.

Мина поправила прическу и открыла дверь. Перед ней стояла кореянка, возможно, немного старше ее, с вытянутым лицом, высокими скулами и волнистыми волосами, которая тепло улыбнулась и сказала:

– Я живу в соседней комнате. – Она махнула рукой в глубь коридора. – Вы только что приехали?

– Эм, да.

– Вы, должно быть, устали.

– Да, очень.

– Я приготовила ужин. Хотите присоединиться?

– О, что вы! – смутилась Мина, но желудок предательски заурчал. – Не стоит.

– Пожалуйста, присоединяйтесь. Я сварила рис и суп.

Голова пульсировала на переносице и по вискам. Хотелось нырнуть обратно в постель, но Мине не помешало бы подкрепиться, а у нее самой ничего не было, к тому же она еще не знала, как добраться до продуктового магазина.

– Еды вполне хватит на двоих, – заверила ее соседка.

Мина последовала за ней на кухню, где на небольшом столике, накрытом на двоих, стояли пиалки с панчаном[5] из кимчи́ – квашеной пекинской капусты с острым перцем, – приправленного шпината и соевых ростков. Глядя на аккуратно разложенные столовые приборы, Мина вдруг осознала, что у нее почти ничего нет, и почувствовала себя маленькой и беспомощной. Ей придется заново все это покупать: посуду, столовые приборы, по меньшей мере одну кастрюлю и одну сковородку.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – пригласила ее соседка.

Расположившись на мягком уголке, Мина оглядела кухоньку, которая явно уже долгие годы не видела ремонта. Засаленные обои с узором из крошечных сиреневых цветочков местами отклеивались. Некоторые дверцы шкафов не закрывались полностью или висели косо, будто вот-вот отвалятся.

– Горячо, – сказала женщина, ставя на стол две тарелки риса и кимчи ччигэ – густой суп с кимчи, тофу и грибами. Над едой поднимался густой пар, и Мина вдруг осознала, что не ела нормально уже почти целые сутки. Возникло желание накинуться на еду, однако она сдержалась из вежливости перед новой знакомой.

– Пожалуйста, угощайтесь. – Женщина кивнула на тарелку перед Миной. – Откуда вы приехали?

Та подула на суп, прежде чем попробовать еду, показавшуюся ей самой вкусной на свете. Терпкость соевой пасты на языке взбодрила тело, а в душе расцветала весна с сиреневыми полевыми цветами. Этот вкус напомнил Мине первую трапезу после потери родителей. Ее с грязной обочины подобрал деревенский старик, отвел к себе домой и накормил порцией твенджан ччигэ – рагу из соевой пасты. Она рыдала во время еды, и слезы капали в тарелку, а старик, у которого во рту не хватало половины зубов, похлопывал ее по спине, пытаясь утешить. Конечно, он хотел ей помочь, но что можно было сделать во время войны, когда ребенок – лишний рот и обуза, когда дети терялись чуть ли не каждый день, а менее удачливых разрывало в клочья на глазах родителей?

– Я из Сеула, – ответила Мина на вопрос женщины.

– Я тоже. Ну, недалеко от него.

– О! – только и произнесла Мина.

Остаток ужина прошел в молчании. С улицы слышалось стрекотание сверчков. Две одинокие женщины, живущие в этом доме без мужей и, очевидно, без детей, – просто квартирантки.

Избыток вопросов мог привести к избытку информации – избытку схожего жизненного опыта, избытку боли.

В ту ночь Мине ничего не снилось. Блаженное забытье, лучший сон за последние месяцы – без таблеток, алкоголя и даже без молитв.

Утром она отправилась в ванную, которую делила с соседкой. Мина вытащила из сумки зубную пасту с мылом и положила на туалетный столик, стараясь не потревожить чужие вещи: сложенную розовую мочалку, скользкий кусок мыла и зубную щетку в ярко-зеленом пластиковом стаканчике. В отражении ее черные волосы падали на плечи спутанным птичьим гнездом. Мина не смогла найти расческу, поэтому попробовала пальцами разгладить беспорядок на голове, выбрасывая выпавшие волоски в мусорное ведро.

Понежившись под теплым душем, она снова легла в постель, чистая и расслабленная, готовая не думать о мире еще какое-то время. У окна сладко щебетала птичка, а в нескольких домах от нее газонокосилка истребляла сорняки с яростным жужжанием.

Стук в дверь заставил Мину вздрогнуть. Она встала, чтобы открыть.

---

[5] Панчан – общее название закусок и салатов в Корее.

– Вам ничего не нужно? – спросила хозяйка. Ее лицо было мягким и нежным, губы слегка подкрашены розовой помадой.

– О! – недоуменно отозвалась Мина, поправив полотенце на голове.

– Я еду в магазин. Хотите со мной?

– Ах да, конечно! Мне только нужно одеться.

Несмотря на жару, Мина надела длинную полосатую юбку и коричневую блузку, затем аккуратно, словно рисуя картину, подвела глаза жидкой тушью и подкрасила губы розовой помадой. Переживая за деньги, спрятанные в носке под матрасом, она заперла дверь спальни на висячий замок.

Они забрались в машину хозяйки и минут пять ехали с опущенными стеклами и яростно дующим в лицо кондиционером, щурясь на залитую солнцем пыльную дорогу. Повсюду, казалось, был сплошной бетон, за исключением высоких пальм с колючими стволами и потрепанными кронами, унылых и скрюченных цитрусовых деревьев, а также гибискусов с крупными цветками и выжженной солнцем пепельно-зеленой листвой.

– Ваша подруга, миссис Син, говорила вам об аренде? – спросила хозяйка.

– Да, двести долларов, верно? Я заплачу, когда мы вернемся.

– Вы уже нашли работу?

– Нет еще. – Мина окинула взглядом витрины магазинов и яркие вывески на корейском языке: аптека, книги, уроки игры на фортепиано. – У подруги есть знакомые в ресторане. Она может попросить, чтобы меня взяли официанткой или поваром. А вы чем занимаетесь?

– У меня свой магазин одежды. Маленький, так что я справляюсь.

– Одежды? Какой?

– Женской.

– Раньше я тоже занималась дизайном одежды.

– О, в самом деле?

– Да, я работала на небольшой швейной фабрике в Сеуле.

– Хм. – Хозяйка прибавила скорость, меняя полосу. – Я бы вас наняла, мне не помешала бы помощница.

– Вот как? – встрепенулась Мина.

– Только дела у нас идут не лучшим образом… Видите ли, с тех пор как от меня ушел муж, я едва свожу концы с концами.

Они въехали на большую парковку перед отдельно стоящим корейским супермаркетом. Вокруг царило оживление – туда-сюда сновали машины различных классов и степени новизны (блестящие «Мерседес-Бенцы», потрепанные «Бьюики», внедорожники «Форд»), матери под руку с детьми загружали в багажники сумки с продуктами, в стороне молча курили работники магазина на перерыве.

– Идиот! – выкрикнула хозяйка водителю, занявшему парковочное место у нее перед носом.

Наконец припарковавшись, хозяйка направилась внутрь, машинально захватив тележку. Мина последовала за ней. Повсюду пестрели вывески на родном корейском, что несколько утешало. В магазине вообще все было корейским: и бренды продуктов, и язык на упаковках, и многие работники, и покупатели.

В овощном отделе Мина взяла себе маленький арбуз, два апельсина, шпинат и пакет лука, после чего пошла за основными продуктами: рисом, лапшой, тведжаном и кочхуджаном – обычной соевой пастой и с острым перцем. На удивление цены оказались вполне приемлемыми, а в некоторых случаях даже ниже, чем в Сеуле.

У кассы Мина неуверенно вытащила из кошелька двадцать долларов – новую для себя валюту. Кассир – мужчина лет тридцати пяти, моложе Мины, с густыми черными волосами, седыми на висках, – опустил глаза, словно специально избавляя ее от пристального взгляда,

который мог ее смутить. У него были худые, изящные руки. Мина вдруг осознала, что тяжело дышит, а в груди расползается жар.

Упаковщик продуктов погрузил их покупки в тележку, и Мина с хозяйкой пошли к выходу мимо большой доски объявлений, на которой среди обилия рекламы банков, церквей и различных услуг по ремонту на розовом листе крупными корейскими буквами было написано: «Требуются работники».

Мина обернулась на кассира, пробившего ее покупки, который на этот раз посмотрел на нее в ответ и улыбнулся. Отвернувшись, она продолжала чувствовать на себе его взгляд, мысли вернулись к холодным монетам – сдаче, которую он положил ей в руку, при этом кончики его пальцев слегка задели ее ладонь, так нежно, будто лепестки розы… или у Мины разыгралось воображение? Выдумала ли она это прикосновение, это ощущение?

Бешено колотилось сердце. Перед мысленным взором стояло его лицо с изогнутой верхней губой, с пристально смотрящими на нее мягкими карими глазами.

Марго

Осень 2014 г.

Забрав из центра свидетельство о смерти матери, Марго поехала в полицейский участок. Над головой раскинулись жухлые пальмы, освещенные бронзовыми лучами утреннего солнца. Ей еще не доводилось бывать в новом участке, но отчего-то она представляла его похожим на свою начальную школу – неопрятную, пахнущую химическими чистящими средствами, меловой пылью и резиной.

Разновозрастные посетители в зале ожидания выглядели встревоженными либо просто утомленными. На одном из стульев, скрестив руки на груди и понурив взгляд, сидел старик в красной футболке поло, с золотыми браслетами на запястьях. Рядом женщина с растрепанным медно-рыжим пучком на голове присматривала за играющими детьми.

У Марго под глазами залегли тени, она не спала уже вторую ночь подряд, преследуемая образами мертвой матери с ее аккуратным каре и изящно выставленной рукой, будто в попытке до чего-то дотянуться или, быть может, смягчить падение – инстинктивное стремление придать себе напоследок некоторую опору, некоторую грацию.

Тогда, после того как разъехались полицейские и «Скорая», Марго с Мигелем нашли отель на окраине Голливуда недалеко от Вермонт-авеню – невзрачное трехэтажное строение с бежевой штукатуркой – типичная для тех мест гостиница сомнительной чистоты, с узорами на покрывалах, призванными скрыть пятна.

Большую часть следующего дня Марго провела в номере, задернув темно-бордовые шторы на окне. Сердце ныло так, будто его швырнули в ступку и принялись перемалывать пестиком, состоящим из образов матери в гостиной – в *их* гостиной, – которая представляла собой картину обычной жизни, пошедшей под откос. Все вещи в комнате стали молчаливыми свидетелями последнего вздоха мамы: разбитая тридцатисантиметровая статуэтка Девы Марии, опрокинутая пиала с орехами, брошюры экскурсий в национальные парки (Йеллоустон, Йосемитский, Гранд-Каньон) на кофейном столике. А еще этот запах – гнилостный смрад…

Последний раз Марго навещала маму почти год назад, на Рождество. Память воскресила дни, проведенные в ее лавке, украшенной гирляндами. Марго развешивала одежду на вешалках, подметала серый ковролин, пробивала и упаковывала покупки у прилавка или помогала посетителям выбрать идеальные подарки – малиновый свитер с вышитыми колокольчиками, пара джинсов, облегающее платье на Новый год.

Каждый вечер, за исключением рождественского ужина в местном корейском ресторане, Марго с мамой ели дома: обычное рагу, разнообразные панчаны и жареная рыба – скумбрия или желтый горбыль. Они ели молча под пыльной люстрой, стол загромождали разномастные тарелки и пиалки, накопившиеся за годы жизни: с рисунками из роз, пастельных цветов, в бело-голубую клетку, украшенные коричневыми бабочками и цветами. В их квартире было полно всяких вещиц, как и в любой другой семье, но почти все они появись дома скорее случайным образом, нежели благодаря сознательному выбору: их покупали по акциям, на барахолках или получали в качестве подарков от знакомых, как вещи из затонувшего корабля, выброшенные на берег. Мама не разрешала ничего выбрасывать.

Однако, будь ее воля, Марго бы испепелила все это дотла. Квартиру в Сиэтле она оформляла аскетично и с вниманием к каждой детали, склоняясь к нейтральным цветам без узоров –

возможно, в качестве бунта против матери и всего, что та представляла: бедности, безвкусицы, чужеродности и отсутствия порядка.

– Ты собираешься остаться в Сиэтле? – спросила тогда мама за ужином. Ее аккуратное каре с сединой на висках было заправлено за розовые уши, открывая серьги-кольца, блестящие, как металлические приманки для рыб. Она не подняла взгляда от мак-кимчи – легкого варианта кимчи – острого и алого, – который всегда готовила сама.

– Да, мне там нравится, – ответила Марго по-английски и проглотила последнюю ложку миёккука – супа из морской капусты – со вкусом хамсы и каплями кунжутного масла.

– Но там же вечно идут дожди.

– Не страшно, я привыкла.

Ложь. Марго ненавидела дождь и скучала по Лос-Анджелесу. Только она не представляла, как здесь жить. В Сиэтле у нее уже была приличная работа, которая позволяла ей снимать собственную квартиру в тихом жилом районе, где круглый год пахнет елями и соснами (единственные иголки, валяющиеся на улице, – с деревьев). В Лос-Анджелесе же ей придется жить с матерью, по крайней мере на первых порах, о чем Марго не могла и помыслить. Она не знала, как объяснить это маме ни на корейском, ни на английском, ни на любом другом языке.

– У тебя есть парень? – Этот вопрос звучал гораздо чаще, чем Марго хотелось бы. Иногда мама задавала его обыденным тоном, с ноткой надежды на то, что дочь встретит ответственного и доброго парня и захочет выйти замуж, завести семью. Однако порой в ее голосе звучали опасения, что та сделает прямо противоположное – будет пить, гулять допоздна, встречаться с мужчинами, которым наплевать на ее чувства, на ее будущее и на ее жизнь, а в конечном итоге забеременеет и останется одна, что в теории в то время вполне могло произойти.

Марго на тот момент уже месяц встречалась с Джонатаном, коллегой на двадцать лет ее старше, он работал консультантом по трудоустройству для людей с ограниченными возможностями. Она вспомнила их первый поцелуй – узкие столбы солнечного света на стенах офиса, нежное касание губ, неприятный запах изо рта, земляной привкус сигары, смешанный с чем-то еще, яркий аромат цитруса, звучный голос, как из старинного радио, зовущий ее по имени: «Марго».

Однако рассказать об этом матери она не могла. Разве та в состоянии понять отношения, не имеющие никакого смысла ни для самой Марго, ни для ее друзей? Существовало лишь одно логичное объяснение, которое она никогда не смогла бы произнести вслух, – ей просто было одиноко и скучно, а Джонатан ее интриговал – мужчина в возрасте, коллега, слепой, вдовец. У него за плечами огромный жизненный опыт, и рядом с ним Марго совсем забывала о себе. Он возвышался над ней, затмевал своей тенью. Рядом с ним она чувствовала себя крошечной – ее характер, поиск смысла жизни и все мечты о творческой профессии, о гордости за личные достижения растворялись, исчезали.

Нет, объяснить это матери невозможно. Даже если бы Марго достаточно хорошо говорила по-корейски, разве мама была в состоянии понять это чувство – этот своеобразный голод? Марго вовсе не думала о смерти, а скорее хотела спрятаться, стереть свою личность с лица земли. Она мечтала стать художницей, только это ненадежная профессия. Разве она могла позволить себе тратить время и деньги на занятия искусством? Как можно ступить на этот скользкий путь творчества, если однажды ей придется содержать не только себя, но и маму? В конце концов, у них больше никого не было, им больше не на кого положиться. Поэтому, раз уж Марго и так многого себя лишает, почему бы не пойти в этом до конца – раствориться в отношениях с мужчиной, который всегда говорил ей, какая она замечательная, умная, заботливая, добрая? Благодаря ему Марго чувствовала себя самым важным человеком на земле, потому что растворилась в нем полностью, без остатка. Марго всегда выслушивала его, поддерживала и одобряла. Она была похожа на мать, о которой сама мечтала.

Ничего из этого маме не понять. Поэтому Марго вновь солгала:

– Нет, у меня нет парня. Слишком много работы.

Мама встала, убирая со стола пустые тарелки и пиалы, на которых не осталось ни зернышка риса.

– Хотела бы я, чтобы ты жила рядом, – мягко сказала она, прежде чем отвернуться к раковине и приступить к мытью посуды.

Марго испытала облегчение оттого, что тема отношений закрыта. И все же ложь оставляла неприятный осадок – какая неблагодарная дочь, мама стольким пожертвовала ради нее, а она даже не может выучить корейский, пусть и только для общения с матерью. В глазах защипало от слез, которые Марго от нее прятала.

С тех пор прошел почти год. В конце концов ее отношения с Джонатаном завершились через два месяца самым предсказуемым и банальным образом – разбитым сердцем. А мамы больше нет в живых.

Марго всегда думала, что еще полно времени – завтра, на следующей неделе, через год – на откровенный разговор с матерью. На то, чтобы сказать ей, как сильно она ее любит, но все же не в силах жить рядом – не в силах жить с ней под одной крышей.

Теперь у Марго уже никогда не будет возможности объяснить это маме. Помочь им обеим понять друг друга.

– Марго? – Кто-то позвал ее из приемной. Обернувшись, она увидела сержанта Цоя, который приезжал на вызов, когда Марго обнаружила тело матери. Он был молод – возможно, немного старше ее, – волосы блестели, как глянцевые, будто он только вышел из душа. В руке он держал белую кружку, из которой поднимался мягкий пар. И все же полицейская форма и оружие напрягали Марго, не позволяли расслабиться. Она старалась не смотреть сержанту в глаза.

– Не хотите чего-нибудь, кофе или воды?

Отказавшись, Марго встала и последовала за ним по длинному светлому коридору, пахнущему воском для пола, мимо вереницы закрытых дверей. Они вошли в просторный кабинет с несколькими столами и высоким стеллажом, забитым документами и юридическими справочниками.

Сержант Цой сел за стоящий у окна стол, на котором лежали открытая папка с разноцветными листами приглушенных тонов и разлинованный блокнот. Марго расположилась напротив него. На окне висели вертикальные жалюзи, оттенявшие его лицо с высокими скулами, острым подбородком и густыми бровями. Марго вдруг подумала, что он довольно привлекательный, и разволновалась еще сильнее. Мысли беспорядочно заметались в голове.

– Мы раньше не встречались? – неожиданно спросил сержант.

– Не припомню. Я давно здесь не живу.

– Какую школу вы окончили?

– Школу Фэрфакса.

– Ах вот оно что! Я тоже!

– В самом деле? – Марго совсем его не узнавала и вообще не помнила других корейцев в школе. Она дружила в основном с мексиканцами, сальвадорцами и филиппинцами.

– Ага, кажется, вы учились на пару классов младше. – Сержант улыбнулся. – Как тесен мир.

Отчего Марго совсем его не помнила? Впрочем, она была творческим и асоциальным подростком. Ее больше занимали эксперименты с наркотиками – не более половины таблетки ЛСД на языке – и рисование натюрмортов; она часто пряталась от людей в приглушенном красном свете проявочной. Он же, скорее всего, был популярным спортсменом.

Сержант прочистил горло и удобнее расположился за столом.

– Сожалею о случившемся с вашей мамой. Знаю, что… вероятно, сейчас с этим тяжело смириться…

Марго вытерла капельки пота с лица и помассировала переносицу, пытаясь унять пульсирующую головную боль. Заметив свидетельство о смерти на столе, она разглядела галочку рядом с графой «несчастный случай».

Прикрыв глаза, Марго вдохнула через рот, словно вновь оказавшись в той комнате с мертвым телом, пропитанной удушливым запахом гнилых фруктов, приторным и тошнотворным. К горлу подступила желчь. Почувствовав на лице взгляд, Марго открыла глаза и посмотрела на сержанта, который тут же уткнулся в бумаги перед собой и принялся читать, наморщив лоб:

– Смерть наступила в прошлую субботу или воскресенье от гематомы. Найдена в среду. Все вещи на месте: ключи, автомобиль «Тойота Королла», наличные в сумочке. Признаков взлома не обнаружено. Обувь, тапочки у двери.

Вытянутая рука. Ноги в бежевых капроновых носках. Она кажется такой крошечной на полу гостиной.

Споткнулась, неудачно упала, ударилась головой. Какая до боли нелепая смерть! Пережить все эти кошмарные события и тяготы – войну, сиротский приют, иммиграцию, жизнь матери-одиночки в чужой стране – и при этом умереть, оступившись в собственной квартире. Просто невыносимо.

– Вы точно не хотите воды? – обеспокоенно спросил сержант.

– Нет, нет, спасибо.

– Представляю, как вам сейчас тяжело. Нелегко пережить подобное. – Его взгляд смягчился. – Со смертью всегда тяжело смириться, особенно такой.

Прощальной церемонии не будет. Тело матери лежало в морге в ожидании кремации. Не будет и похорон. Она не оставила завещания. Они никогда не обсуждали, чего мама хотела бы после смерти. Они вообще редко говорили о ее желаниях. Марго знала лишь об одном: «Хотела бы я, чтобы ты жила рядом».

От мамы останется только пепел в урне, молчаливый и гнетущий. Что с ней теперь делать?

– И хотя тут все понятно, я хочу убедиться, что вы никого не подозреваете. Не припоминаете ничего необычного? Может, хотите мне что-то рассказать?

Обнаружить тело матери – кошмар, ставший явью, а этот разговор – еще один. Что теперь толку от полиции? Они им хоть раз помогли? Раньше Марго с мамой часто нуждались в защите – когда на них напал вооруженный грабитель или когда в квартиру вломился вор, – но в их окружении никому не приходило в голову вызвать полицию. Никто не знал, что они сделают и чью сторону займут – может, ее депортируют? С чего этот блюститель порядка вдруг о них забеспокоился? Какая разница, что они оба корейцы и учились в одной школе?

– Она жила скромно, работала. Постоянно работала. Она была… заурядной.

Марго во все это верила. Только верила ли она, что знает родную мать? Вряд ли. Вся ее жизнь сводилась к тому, чтобы забыть прошлое и маму вместе с ним.

Мама была пустым местом, очередной жертвой этого города и этой страны, которая заманивает в сети сверкающей ложью. Она лишь мешала, путалась под ногами у более важных и богатых людей.

– Когда вы в последний раз с ней общались?

– Пару недель назад, кажется. – «Покупателей почти нет. Корейцы закрывают свои лавки даже в центре». – Она… она упомянула проблемы на работе, финансовые трудности. Но это вовсе не ново.

Может, она таким образом просила о помощи? Может, ей нужны были деньги?

– Вы говорили, у нее лавка на рынке. Рядом с округом Белл.

– Рядом с Хантингтон-Парком.

Марго представила, как мама возвращается вечером домой, измученная, снимает кожаные ботинки… Тогда почему в квартире не горел свет? Может, мама вернулась пораньше?

Сняла обувь и споткнулась о тапочки, всегда стоящие у двери. Неизменно две пары – для нее и Марго. Или, собираясь уходить, она, в последний момент вспомнив о чем-то, вернулась и споткнулась в темноте? Даже думать об этом невыносимо.

Марго хотелось закричать: «Ну почему ты себя не бережешь?» Только теперь уже поздно.

– У нее были служащие?

– Нет, никого.

– Она дружила с кем-нибудь на рынке?

– Да. Ну, общалась с одной женщиной… С владелицей лавки детской одежды напротив.

Его ручка заскользила по блокноту.

– Они хорошо ладили? Ваша мама со всеми ладила?

– Думаю, да. Сначала ей приходилось нелегко, поскольку она была одной из немногих корейцев на рынке. Ей казалось, что другие продавцы и покупатели недолюбливают ее из-за плохого испанского.

Марго вспомнила, как мама кричала вслед потенциальным покупательницам: *«Amiga, amiga!»*[6] Иногда те останавливались и махали на прощание, но обычно даже не оборачивались. Время от времени они морщили носы от запаха корейской еды, которую она приносила из дома. Мама обладала поразительной способностью игнорировать оскорбления, не то что Марго – ее они преследовали всю жизнь. Она любила маму больше всего на свете, но в то же время отчаянно стыдилась – ее бедности и чужеродности, ее языка и скудости жизни. Чувство любви у нее всегда сопровождалось стыдом, в том числе и любовь к себе.

Из глаз вновь полились слезы, и Марго схватила салфетку из коробки на столе.

– Если вам что-нибудь понадобится, можете мне звонить, – мягко сказал сержант Цой. – У вас есть моя визитка?

– Я просто не знаю, что с ней теперь делать. С ее прахом, я имею в виду.

– Она ходила в церковь?

– Да. – В памяти всплыли высокое здание молочного цвета, терракотовая черепичная крыша, колокольня.

– Может, там подскажут? Возможно, она обсуждала этот вопрос со священником или с кем-то еще.

– Вы правы. Только я не уверена, что готова к такому разговору.

– Как насчет вашего отца? – Сержант нахмурился. – Он еще жив? Он может вам помочь?

Выражение «ваш отец» ужалило Марго, как змея, притаившаяся в траве.

– Я не… Я его никогда не знала.

Люди в церкви и в школе часто осуждали ее из-за этого: они не понимали, как можно жить без отца. «Неужели тебе неинтересно, кто он? Думаешь, он когда-нибудь вернется?» – спрашивали они. Порой ее жалели. Однако хуже всего, что из-за этого Марго ощущала себя другой, ненормальной – она не вписывалась ни в американское, ни в корейское общество. И там и там считалось, что женщины без мужчин неполноценны, женщины без мужчин всегда ждут, когда те появятся, как образы на бумаге в растворе для проявки фотографий.

Куда теперь девать все вещи, из которых состояла мамина жизнь? Куда девать клубок четок в пыльном керамическом блюдце, выцветшие школьные портреты Марго с беззубой улыбкой и ужасной челкой, которую ей стригла мама, старый CD-плеер, покрытый плотным слоем пыли, грязно-белого плюшевого мишку с лоснящимся кривым носом, сжимающего сердечко из красного атласа? Что делать с их совместной фотографией с выпускного Марго в рамке, коробкой фотоальбомов – таких старых, что большинство фотографий в них уже отклеилось? С кучей одежды и прочим бельем из большого шкафа и комодов? Марго не понимала, зачем покупать столько свитеров, пижамных штанов и одеял, живя на юге.

---

[6] Подруга (*исп.*).

Со смерти матери прошла неделя и четыре дня с тех пор, как ее нашли. Отчасти Марго хотелось все бросить и вернуться в Сиэтл, предоставив хозяину дома разбираться с маминими вещами. Однако тогда ей пришлось бы также оставить и собственные вещи – старую одежду, школьные тетради, фотографии, записи о прививках, блокноты, – разобрать которые у нее никогда не хватало ни смелости, ни сил. Теперь все же придется ими заняться.

В ее бывшей комнате стояла двуспальная кровать и лежала куча всякого барахла. Будучи подростком, Марго обычно сбегала туда сразу после ужина и пряталась от мира с блокнотом и карандашом под аккомпанемент меланхолической музыки – Пи Джея Харви, Фионы Эппл, группы «Портисхед», – заглушающей шум корейских передач из гостиной. Иногда Марго выходила из спальни и замечала, как мама кивает телевизору, словно беседуя с ним. Вероятно, было нечто успокаивающее в том, чтобы после долгого трудового дня в чужой стране окунуться в мир, в котором ощущаешь себя своим, – с родными звуками, жестами, лицами. Язык помогает ориентироваться в огромном мире, но он также может вселять чувство уюта и безопасности, как будто возвратился домой. Возможно, именно поэтому Марго никогда не прилагала особых усилий к изучению корейского – ей было невыносимо находиться под одной крышей с матерью.

Только теперь Марго поняла, что, несмотря на переезд в Сиэтл, она все еще жила в этой квартире. Под слоями пыли скрывались не только вещи матери, но и ее: детские фотографии, дипломы об успехах из начальной школы, развешанные по стенам, которые ничего не значили для самой Марго, зато были источником гордости для матери.

Становилось очевидным, как сильно они зависели друг от друга – в еде, крове, а также чувстве принадлежности к этому миру – и как сильно Марго презирала эту зависимость. Она не желала нуждаться в матери или быть ей нужной. Мама несла на своих плечах слишком большой груз истории, слишком много печали, невысказанной и необъяснимой. Она редко говорила о детстве и лишь иногда вскользь упоминала различные профессии – кухарки, резчицы ткани, швеи, – которыми была вынуждена зарабатывать в подростковом возрасте, чтобы выжить.

Марго также знала, что из сиротского приюта мама переехала в пансион, где жила в одной комнате с тремя девушками – другими сиротами или изгнанницами, оставшимися без крова. Тот период был особенно волнительным для Мины, поскольку она наконец-то начала жить свободно, без пристального надзора взрослых.

Марго никогда не находила в себе достаточно сил и отваги, чтобы услышать подробности жизни матери. Она едва справлялась со своей собственной. Ее детство в Америке сводилось к тому, чтобы стереть прошлое – частично признать, забыть и двигаться дальше.

Однако прошлое всегда всплывает на поверхность, как после крушения корабля на поверхность всплывают трупы. И теперь этими трупами были четки, грязный плюшевый мишка, фотоальбомы.

Возможно ли вообще отделить свои вещи от вещей матери? И почему только Марго считала раньше, что мама всегда будет рядом, избавляя ее от необходимости принимать какие-либо решения? Избавляя от необходимости оценивать важность вещей, свидетелей их жизни, – не только предметов обихода, но и ненужных вещиц, от которых они просто не могли избавиться, с которыми они просто не могли расстаться.

Сколько же всего мама несла на своих плечах? Сколько она несла за них обеих?

И теперь Марго придется нести весь этот груз самой.

Внизу, в гараже, было прохладно и тихо, если не считать приглушенного шума в трубах. Тускло горел свет. Марго выезжала с парковочного места, расположенного рядом с машиной матери. В зеркале заднего вида внезапно появилась высокая фигура, и Марго, ахнув, ударила по тормозам. Мужчина поспешно отошел. Поравнявшись с ним, она опустила окно с водительской стороны.

– Простите! Вы появились ниоткуда.

– Ничего страшного.

Мужчина стоял с метлой и совком в руках. Марго видела его прежде – он разговаривал с полицейскими в тот день, когда она обнаружила тело матери. Тогда Марго приняла его за владельца здания или уборщика – сложно было понять наверняка. На нем был тот же серый пуловер, вылинявший и потертый на локтях. Мужчина, загорелый и покрытый морщинами, держался одновременно непринужденно и неловко, как человек, иммигрировавший несколько десятилетий назад, свободно говорящий по-английски, вероятно, выросший на американской поп-культуре, но по какой-то причине никогда не покидавший Корейского квартала. Он казался несколько потерянным, не в своей тарелке. Марго его прекрасно понимала.

– Кстати, сожалею о вашей маме, – проговорил он с нотками нью-йоркского выговора. – Она была хорошей квартиранткой. Всегда вовремя платила за аренду. – Он закашлялся и повернулся, чтобы сплюнуть.

– Спасибо. – Марго пришло в голову, что, возможно, хозяин хорошо знал маму и видел ее чаще, чем Марго. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, она спросила: – Вы помните, когда видели ее последний раз? Она не показалась вам странной?

– Хм… – Хозяин призадумался. – Даже не знаю. Она занесла арендную плату за пару дней до происшествия. Кажется, в прошлую пятницу.

– Не было ли… не знаю… ничего необычного? Рядом с квартирой или?..

Нахмурившись, хозяин провел пальцами по волнистым волосам, снежно-белым на висках.

– Ну, в прошлые выходные я вроде бы слышал, как она кричала, – проговорил он, неуверенно прикусив нижнюю губу. – Ночью. Хотя многие ругаются. Семьи постоянно ругаются.

– Она кричала? – потрясенно переспросила Марго.

– Хотя даже не знаю… может, это был кто-то другой, другая кореянка.

Сердце отчаянно забилось в груди.

– Вы помните, какой был день?

– Не совсем. То ли суббота, то ли воскресенье. – Мужчина неловко почесал затылок, избегая ее взгляда. – Впрочем, я мог ошибиться. Кто знает? Моя квартира не прямо под ней. Просто у меня было открыто окно, и мне послышался женский крик. – Он пожал плечами. – Я не придал этому большого значения и вскоре снова заснул.

– Кричала только моя мама? Или с ней был кто-то еще?

Хозяин покачал головой:

– Я наверняка что-то напутал, знаете? Я услышал корейский, а в доме нас осталось не так уж много, поэтому сразу решил, что это ваша мама. Но почем знать…

– Вы кому-нибудь об этом рассказывали? Полиции, например?

– Нет, нет, не рассказывал. Честно говоря, я и вспомнил-то об этом только сейчас. Ну что в этом такого? Кто угодно мог кричать. Не думаю, что нужно их беспокоить. Люди ругаются, выходят из себя, с кем не бывает…

– Моя мама часто шумела?

– Вовсе нет. Она была очень тихой, приятной женщиной. В здании всегда было безопасно. Вполне безопасно. Никаких проблем. – Хозяин порылся в заднем кармане и достал пачку «Мальборо лайтс», наполовину завернутую в пленку. Сунув сигарету за ухо, он добавил: – Такое с любым могло произойти, что уж тут. Люди постоянно падают. Некоторые благополучно, другие… ну, вы понимаете.

У Марго сложилось впечатление, что мужчина не до конца с ней честен.

– Вы здесь недавно? – спросила она.

– Простите?

– Я жила здесь раньше и не припоминаю вас.

– Здание принадлежало моей жене. Несколько лет назад она умерла, и с тех пор я стараюсь держать бизнес на плаву. Вы даже не представляете, как дорого в наши дни обходится здание. Раньше домовладельцев считали врагами, знаете? Мол, богатеют за чужой счет. А теперь что? Большие шишки скупают все подряд, а мы зарабатываем гроши. Электричество ужасно подорожало. Жильцы постоянно жалуются на шум. Да и криминал повсюду. Разве ж я виноват? Я стараюсь изо всех сил, постоянно чиню входную дверь. Вот, камеру планирую поставить, а сколько еще придется вложить в это здание? Сколько ни вкладывай, все недостаточно. И вечно хозяин плохой.

– Ну, у вас хоть что-то есть, верно?

– В каком смысле?

– По крайней мере теперь, когда мама умерла, вы сможете поднять арендную плату. – Голос Марго дрогнул. – Этого хватит на камеру?

– Что вы хотите этим сказать? Я не жаловался на вашу маму. Она была хорошей, тихой. Иногда у нее бывали гости… какой-то мужчина – наверное, приятель. Богатый, как будто бы. У нее были друзья. Она была хорошей.

– Приятель?! – в очередной раз удивилась Марго. Мама никогда не упоминала и не проявляла романтического интереса к кому бы то ни было, даже к лавочникам на рынке, которые иногда за ней ухаживали.

– Да, какой-то мужчина, не знаю. Я не лезу в чужие дела, если только кто-то не паркуется слишком близко к подъездной дорожке или вроде того. Приезжал к ней некий мужчина на дорогой машине, «Мерседесе». Я всегда о такой мечтал.

– Черт! – пораженно выдохнула Марго. – На него она кричала в ту ночь?

– В ту ночь я слышал только один голос. А этого мужчину я уже давно не видел. Может, несколько месяцев, не знаю. Где-то с лета. Я не люблю совать нос в чужие дела. А здание безопасно. У нас тут спокойно. Я не люблю вмешиваться, ясно?

– Вы могли бы сообщить об этом полиции, – заметила Марго. – О криках, я имею в виду.

– А зачем? Говорю ж, я тогда устал, и кричать мог кто угодно. Мне не нужно, чтобы они тут шныряли. А вам? Думаете, жильцам это понравится? Что, по-вашему, сделает полиция? Думаете, им есть дело до вашей матери? Знаете, сколько людей умирают, скольких обворовывают, убивают в этом городе? Мне не нужны проблемы. А таким девушкам, как вы, следует думать о том, как выйти замуж, встретить хорошего парня, завести семью…

Марго чуть было не послала его к чертям собачьим, но сдержалась и молча подняла окно. Да, хозяин был прав: ее мама и женщины, подобные ей, лишь доставляют всем неудобства.

Мама была никем, безымянной иммигранткой, не владеющей языком и выполняющей работу, за которую больше никто не хочет браться; она была очередной случайной жертвой на пути важных дел, на пути важных людей… Только если Марго продолжит молчать и соглашаться с этим, она позволит им победить, так ведь? Она позволит им смахнуть маму под коврик, как какой-то мусор.

Однако они с мамой заслуживают большего. Вот только как же выяснить, что именно с ней произошло?

Если бы Марго выехала из Сиэтла пораньше или взяла билет на самолет, она могла бы предотвратить смерть мамы. Или хотя бы обнаружила ее раньше, а не после того, как та несколько дней пролежала в пустой квартире. Почему Марго не поехала раньше? Почему не посчитала странным, что мама не берет трубку?

Марго была твердо намерена по возвращении в отель сразу же оставить сержанту Цою сообщение о словах хозяина про крики в прошлые выходные, а потом перерыть вещи матери. Возможно, найдется какая-нибудь подсказка, с кем мама могла быть в прошлые выходные. Кто ее навещал? Что за мужчина, с которым она встречалась? Приятель! Быть того не может: у мамы была одна цель в жизни – работа, выживание.

А что, если этот мужчина вернулся? И они поссорились? Непременно нужно его найти.

Металлические ворота гаража открылись, скрипя и дребезжа цепью, и внезапно Марго поняла с ошеломляющей, обволакивающей печалью – какая-то частичка ее всегда мечтала об исчезновении матери. Не о смерти, а просто чтобы та исчезла из ее жизни. В таком одиночестве Марго видела свободу. Однако теперь, оставшись одна, она буксовала на месте, без ответов, не зная куда податься и без всякой надежды впереди.

Мина

Лето 1987 г.

Мина ехала на работу в старом, кряхтящем автобусе, наполненном пассажирами различных национальностей и рас – в основном латиноамериканцами, азиатами и чернокожими. Временами попадались и белые, как правило, пожилые. До переезда в Америку Мина, насмотревшись американских фильмов, ожидала, что страна наводнена белыми – всякими Джонами Уэйнами, Кларками Гейблами и Кэри Грантами. Однако реальное положение вещей ее удивило. Мина никогда не видела такого разнообразия народностей в одном месте. Кто бы мог подумать, что люди могут сосуществовать подобным образом? Вот только долго ли продержится этот эксперимент под названием Америка?

Все еще не уверенная в себе, в языке и жестах вокруг, Мина молила бога, чтобы к ней никто не обратился. Она старалась ни с кем не встречаться взглядами, но с любопытством посматривала на окружающих. Одна латиноамериканка провожала в школу детей – девочку и мальчика лет восьми-девяти. Чернокожий механик в засаленном рабочем комбинезоне сидел, закрыв глаза и сложив руки на груди, как будто забрался в кокон. Старушка с ходунками, которая часто ездила этим маршрутом – всегда в длинных платьях, как почтенная дама на церковной службе, – кивнула Мине. Та склонила голову в ответ, мягко улыбнувшись.

Уже две недели Мина раскладывала продукты по полкам в супермаркете и недавно пришла к выводу, что отдел галантереи нравится ей больше всего, поскольку он не такой многолюдный, как продуктовые отделы, где клиенты снуют туда-сюда, толкая перед собой тележки, и донимают ее вопросами.

Время от времени Мина сталкивалась с тем привлекательным кассиром, которого встретила во время первого визита в супермаркет, – он проходил мимо и кивал в знак приветствия, глядя на нее своими мягкими карими глазами. Она видела его в проходах раз или два в день. Когда он проходил, статный и гибкий, и молча ее приветствовал – в отличие от покупателей и владельца супермаркета, мистера Пака, которые постоянно норовили с ней поболтать, – Мина чувствовала себя спокойнее. Возможно, ей просто нравилось на него смотреть – он был красив и полон энергии. Ей также нравилось, как он всегда ненадолго останавливался, чтобы встретиться с ней взглядом и улыбнуться. Она все еще не знала его имени.

В свой первый рабочий день Мина пришла в супермаркет в белой блузке с короткими рукавами и цветастой юбке, своими голубыми, зелеными и розовыми оттенками напоминающей пейзажи с кувшинками Моне. Наряд казался неподходящим для того, чтобы весь день разбирать коробки и раскладывать продукты по полкам, ну и что же? Другой одежды у Мины почти не было, и ей хотелось хорошо выглядеть. Необходимость встречаться с незнакомцами всегда заставляла ее нервничать, а слегка принарядившись и наложив немного макияжа, она чувствовала себя увереннее.

Отметившись у одного из кассиров, Мина познакомилась с владельцем, мистером Паком, тоже корейцем немного ее старше, – мужчина весь светился, выдавая в себе человека, который вовсю наслаждается жизненными благами: пляжным отдыхом, импортными автомобилями, гольфом и прочим. На нем была полосатая футболка поло пастельных тонов, подчеркивающая загар, а на запястье блестели большие золотые часы.

– Вы уверены, что справитесь? – спросил он Мину, снисходительно улыбаясь, будто она была маленьким зверьком, который внезапно сделал нечто человеческое, как мышка, вставшая на задние лапки.

– Думаю, да.

– Придется таскать тяжести. – Он шумно втянул воздух сквозь зубы, как бы говоря: «Вот незадача!»

– Я справлюсь, – решительно заявила Мина, не в силах скрыть раздражения.

Часть первого рабочего дня она провела в овощном отделе рядом с латиноамериканцем лет тридцати по имени Гектор, одетым в старую черную футболку, кроссовки и джинсы. Он прихрамывал, но этот изъян не мешал ему аккуратно складывать фрукты, когда он показывал Мине ее обязанности. Гектор вывозил коробки с продуктами из подсобки, а Мина выкладывала содержимое на прилавки – яблоко за яблоком, грушу за грушей, – это была простая система, на которую не влияло различие языков и происхождения.

Поначалу бездумная работа, едва не вводящая в транс, казалась не такой уж сложной, однако примерно четыре часа спустя Мина чувствовала себя совершенно вымотанной. Отдыхая в подсобке магазина и цедя газировку, она смотрела на опустошенные и искореженные коробки перед собой и ощущала себя одной из них. Ее белая блузка испачкалась и помялась.

Стараясь ни о чем не думать, Мина откинула голову и сосредоточилась на ощущении шипучего напитка во рту. Однако в глубине души ей хотелось разреветься. Мина чувствовала себя полной идиоткой из-за того, что бросила спокойную офисную работу, где бóльшую часть времени проводила за рисованием и шитьем одежды – да, простоватой, но хотя бы доступной. Она скучала по перерывам на кофе и обедам с коллегами.

Однако прошел всего лишь день. Нельзя сдаваться. Пути назад нет. Закрыв глаза, Мина тихо помолилась: «Прошу, Господи, пожалуйста, помоги мне. Дай мне знать, что все образуется. Прошу».

После десятиминутного перерыва она перешла к стеллажам с лапшой, раменом, затем к приправам, суповым основам, соевому соусу и пасте. Мина вспотела, вынужденная постоянно опускаться на колени и вставать, чтобы пополнить нижние полки. Юбка запачкалась, красивые пастельные цвета покрылись серыми пятнами. Она чувствовала себя глупо из-за того, что беспокоилась о внешности. Какая разница, как она выглядит, если перед ней лишь бутылки с соусом и овощи.

Мина уверяла себя, что должна привыкнуть к незначительности. Ведь даже это лучше, чем сидеть дома, в пустой сеульской квартире, в окружении всего того, что беспрестанно напоминает о прошлом. О том, что она потеряла. А теперь она свободна. «Я свободна», – твердила она себе как мантру.

Мистер Пак упомянул, что через какое-то время можно будет перейти на кассу. Только Мине больше нравилась работа в подсобке или раскладывание продуктов по полкам – таким образом ей не приходилось ни с кем общаться и можно было оставаться незамеченной. Она могла спрятаться в проходах, слиться со стеной соусов, исчезнуть в вакууме приправ, бутылок и банок. Значение имел лишь случайный взгляд красивого корейца. Он казался моложе ее, что в некотором роде успокаивало: между ними ничего не может быть, это лишь невинное, глупое увлечение.

Однако Мина все же понимала, что не сможет заниматься этим вечно. Сколько лет она будет в состоянии таскать тяжести и приседать? Ей был всего сорок один год, а она уже чувствовала, как стареет тело, увядая микроскопически день ото дня.

Когда она занималась дочерью, ее тело сильно изменилось, существенно окрепло. А теперь единственное, за чем ей нужно присматривать, – это продукты, они все, что у нее осталось. От этих мыслей Мина начинала плакать и принималась трудиться еще усерднее и быстрее, чтобы заглушить боль и тоску.

Однажды в подсобке, когда она перекладывала на тележку коробки с соевым соусом, со скрипом отворилась дверь в кабинет, на пол упал косой луч света, и из него с черным холщовым мешком в руке вышел мистер Пак. На поясе поблескивала рукоятка пистолета.

– Вы уверены, что справитесь? – Он подмигнул ей так неуловимо, будто ему пыль попала в глаз.

– Да, все в порядке. Спасибо. – Мина старалась не смотреть на него.

– Вам нравится в Америке?

– Да. Постепенно привыкаю.

– Тяжело, не правда ли? – Мистер Пак с глухим звуком опустил мешок на пол. У Мины сложилось впечатление, что тот набит наличными. Скорее всего, мистер Пак направлялся в банк. С пистолетом.

Присев, он поднял одну из коробок и погрузил на тележку.

– Ну, как бы тяжело ни было, продолжайте в том же духе. Продолжайте стараться.

– Угу.

– Я много работал, очень много. И теперь я владелец. Здесь все – мое. – Он обвел руками магазин или даже всю вселенную, как будто она тоже принадлежала ему, и улыбнулся так широко, что Мина увидела золотой зуб у него во рту.

Вспомнив о пистолете на ремне, она отступила и сухо отозвалась:

– Понятно.

– Да, я здесь уже… – продолжал мистер Пак, не замечая отсутствия энтузиазма у собеседницы, – дайте подумать… с тысяча девятьсот шестьдесят второго!

– Как долго.

– Это точно, но вы же видите, что бывает, если много работать?

– Вроде бы.

– Это окупается. – Мистер Пак выразительно приподнял брови и наклонился за своим мешком.

«Да что вы?» – хотелось язвительно ответить Мине. Она в это не верила. Не совсем. Как можно верить в меритократию[7], когда никто из ее окружения – женщины, с которыми она жила, и работники магазина – никогда не сможет владеть супермаркетом, как бы усердно ни работал. Повезет еще, если они смогут владеть хоть чем-нибудь. Как и Мина, они всегда будут жить на съемных квартирах, и все в их жизни будет подержанным. Кем этот умник себя возомнил? Он, вероятно, считал ее одинокой женщиной, которую можно подразнить, и она будет рада вниманию, любому вниманию.

Муж Мины всегда безраздельно в нее верил и обращался с ней как с равной. Он вообще ни с кем не стал бы разговаривать в подобном тоне. Он был нетипичным корейцем, возможно, именно поэтому она так сильно его любила.

– Да, много работайте, зарабатывайте, и вам воздастся. Ваши усилия вовсе не напрасны.

– Хорошо, – сухо ответила Мина, подавив желание закатить глаза, и нагнулась за коробкой. Мистер Пак придержал тележку, чтобы она не двигалась. Мина подвинула тележку к себе ногой.

– Я справлюсь. – Поставив коробку сверху остальных, она толкнула тележку в зал, с облегчением удаляясь от собеседника.

Мина не знала имени своей соседки, да это и не имело значения, поскольку она обращалась к ней так, как в Корее обращаются к подругам – онни, «старшая сестра». Онни хорошо говорила на английском, и в ее речи даже слышался гнусавый южный выговор, как в вестернах, которые любил смотреть муж Мины. Она помогла ей провести телефон и поделилась всеми своими картами и информацией о транспорте, чтобы Мине было легче передвигаться по городу.

Онни любила китайские груши и мандарины, поэтому Мина приносила немного с работы, а еще какой-нибудь освежающий напиток, например сикхе – сладкий рисовый напи-

[7] Меритократия – принцип управления, при котором руководящие должности занимают наиболее достойные.

ток, – который также обожала ее дочь. В жаркий вечер Мина могла залпом осушить целую бутылку сикхе, в то время как обычно ограничивалась стаканом после ужина, отдыхая на кухне, мокрая от пота. Из открытого окна доносились стрекотание сверчков и корейские новости, которые смотрела хозяйка.

Онни часто работала по ночам, но раз или два в неделю у них получалось вместе поужинать. Обычно они обсуждали прошедший день и Америку, или онни переводила для Мины какие-нибудь документы и выписки по счетам, не более того. Они никогда не заходили к друг другу в спальни. Онни читала у себя толстые английские романы или слушала классическую музыку, которая, даже приглушенная дверью, наполняла весь дом умиротворением – ноты плавно сменялись, складываясь в ритмичные мелодии.

Как-то вечером в конце июля, примерно через месяц после переезда в Лос-Анджелес, Мина зашла на кухню, пахнущую луком и тверджан ччигэ, чтобы приготовить простой ужин, набить поскорее желудок и лечь спать под стрекотание сверчков. Онни стояла у плиты, перемешивая ччигэ в большой кастрюле из нержавеющей стали.

– Как работа? – поинтересовалась она.

Мина открыла холодильник.

– О, хорошо. Думаю, могло быть хуже. Как дела в ресторане?

– Да то же самое. – Онни взглянула на яйцо в руке Мины и улыбнулась. – Я приготовила целую кастрюлю ччигэ. Хотите?

– Спасибо, вы слишком добры ко мне.

– Не глупите. Вы выглядите уставшей, поешьте со мной.

Онни забрала у Мины яйцо и вернула в холодильник.

– Просто садитесь, я все приготовлю.

Мина разложила бумажные салфетки и столовые приборы на подставках под горячее. Кого же ей напоминала эта женщина? Может, одну из монахинь в приюте? Воспоминания о детских годах и людях, которых Мина когда-то знала, стали расплывчатыми, вытесненными из памяти – сначала работой, затем браком.

Какое-то время они ели молча, затем Мина спросила:

– Сколько вы уже здесь живете?

– Пару лет.

– В Америке?

Онни рассмеялась.

– О, нет, в этом доме. В Америке – гораздо дольше. Раньше я жила в Техасе. Вы знаете, где это?

– Слышала.

Онни вытерла губы и спросила:

– Почему вы приехали именно в Лос-Анджелес?

– Здесь живет моя подруга, коллега из Сеула. Мне пока не удалось с ней встретиться. Она постоянно работает в своей химчистке. – Мина натянуто улыбнулась. – Но мы увидимся в это воскресенье в церкви. Она за мной заедет.

Скорая встреча с миссис Син, с которой Мина не виделась уже много лет, была светлым пятном в жизни.

– Понятно. Хорошо, что у вас есть церковь.

– А вы ходите в церковь?

– Нет.

Вновь воцарилась тишина, которая продлилась до самого конца ужина, когда Мина встала, чтобы вымыть посуду. Ей не терпелось поскорее добраться до постели.

Несколько недель спустя Мина поняла, почему онни избегает церкви.

Хоть в основном и без злого умысла, многие женщины в церкви навязчиво расспрашивали Мину о муже и детях, как будто забыли ее расплывчатый ответ при первом появлении. Ей хотелось солгать, сказав, что у нее никогда не было семьи, просто чтобы избежать этого разговора, но женщины, хоть и не явно, смотрели свысока на тех, кто не мог выйти замуж. Как привлекательная женщина, прожившая всю жизнь в Корее, окруженная корейцами, могла никого не встретить? Должно быть, с ней что-то не так. Только вот что именно?

Однажды после воскресной службы в полутемной обедне на первом этаже церкви Мина с миссис Син и другими женщинами обедали кимчи, роллами и остывшим чапче – праздничной закуской на основе фунчозы. Под градом обычных назойливых расспросов Мина, утомленная попытками избежать клейма, наконец сдалась и призналась:

– Они мертвы. – И громче повторила: – Они мертвы.

Женщины замерли – некоторые с палочками, поднесенными ко рту.

– Все? – спросила самая назойливая – между зубами у нее застрял кусочек зелени.

– Да, все… – Мина помолчала и добавила: – Все двести. – Она мило улыбнулась. – Целая секта. Они все были моими.

Женщины разом ахнули. Сидевшая рядом миссис Син поперхнулась от смеха. Назойливая дама бросила на Мину колючий взгляд и, подняв брови, оглядела остальных, которые заерзали на своих пластиковых складных стульях.

– Погибли ее дочь и муж, – объяснила миссис Син. – Теперь вы довольны?

После этого женщины начали ее избегать. Возможно, они просто не знали, о чем разговаривать с относительно молодой женщиной без семьи, или же им пришлась не по нраву шутка о секте. По крайней мере, у Мины оставалась миссис Син, которая уже несколько лет жила в Америке и много работала в своей химчистке на Вермонт-авеню. Они обычно вместе обедали в церкви после службы, или подруга приглашала Мину к себе домой, где та могла полюбоваться на ее семью и жизнь. У нее была большая двухкомнатная квартира в Корейском квартале, веселый и добрый муж и двое неуклюжих детей-подростков.

Во время этих обедов Мина часто хотела рассказать старой подруге о работе – признаться, что ужасно устала и ненавидит босса, – но сдерживалась. Обычно обед проходил в тишине. Мина иногда интересовалась детьми, а ее жизнь они старались не обсуждать.

Миссис Син не очень хорошо знала мужа и дочь Мины, но могла представить, каково было их потерять. И все же корейцы не умеют говорить о смерти. В культуре и стране произошло столько потрясений из-за войн, что люди упорно придерживаются своего рода практичного молчания, которое выражает как благодарность за то, что у них есть сейчас, так и неутолимую печаль, по-разному влияющую на людей. Некоторые спиваются, выживая лишь за счет нежелания семей признавать их зависимость. Иные впадают в одержимость символами статуса: роскошными автомобилями, дизайнерской одеждой и дорогими часами. Другие неутомимо работают, пытаясь заглушить боль, что, по крайней мере, приносит какие-то плоды: деньги в банке, крышу над головой, еду на столе.

Миссис Син пыталась заполнить молчание сплетнями о тех, кто жил в ее доме, о женщинах из церкви. Она рассказала Мине о некой даме лет сорока, которая изменила мужу с молодым человеком.

– Вот чокнутая, – прокомментировала миссис Син. – Он лет на десять ее моложе.

– Целых десять?

– И она копит деньги, чтобы сбежать с ним. – Они обе рассмеялись. – Просто сумасшедшая, – продолжала миссис Син. – В конце концов она забеременеет и что потом?

Марго

Осень 2014 г.

На следующий день Марго с Мигелем проехались по потенциальным съемным квартирам недалеко от его новой работы в Бербанке – городе рядом с Лос-Анджелесом, – к которой ему предстояло приступить в будущий понедельник, а вечером Марго одна поехала на мамину квартиру, поскольку Мигель пошел на свидание с новым знакомым. Марго пришлось прежде заверить его, что сама прекрасно справится. Он пообещал вернуться вечером к ней в отель.

Они решили перебраться в мамину квартиру на пару дней, чтобы сэкономить деньги, поскольку за нее было уплачено на месяц вперед, а начальник Марго продлил ей отпуск – без содержания, разумеется. И когда Мигель найдет подходящее жилье – скорее всего, на этой неделе, – Марго останется у мамы одна, пока не закончит уборку и не рассортирует вещи: какие можно забрать с собой, а какие – пожертвовать на благотворительность.

По словам хозяина, летом к маме часто приезжал мужчина – скорее всего, у них был роман. Возможно, именно на этого мужчину она кричала в прошлые выходные – в те самые выходные, когда умерла. Марго не совсем доверяла хозяину, и все-таки какой ему был смысл лгать? Нужно выяснить, кто навещал маму в тот вечер, если вообще навещал. Сержант Цой еще не перезвонил, но у нее не было времени ждать – ни его, ни кого-либо другого. Тело мамы наглядно демонстрировало, что порой промедление может слишком дорого обойтись – всего час, день или неделя, и будет поздно. Порой у нас есть только настоящий момент – есть только здесь и сейчас, секунды ускользают, как песчинки сквозь пальцы.

Марго включила свет в спальне мамы. Несмотря на прохладу снаружи, она не закрывала окна последние четыре дня, чтобы выпустить дух смерти, витающий в квартире – в *их* квартире, той, в которой Марго прожила всю сознательную жизнь вместе с матерью.

Она сосредоточилась на том, что просачивалось из окна: запах выхлопных газов и аромат наваристого мексиканского супа посоле, тарахтение скейтборда по щербатому тротуару, женская болтовня по телефону – все это так знакомо и в то же время ново. Район в чем-то изменился, а в чем-то остался прежним.

Раньше тут было много корейцев, а потом большинство накопили достаточно денег, чтобы перебраться в пригород, и теперь по соседству жили в основном латиноамериканцы. И все же их объединяло желание выжить и переехать в место получше. Когда мир успел стать таким? Почему работа и богатство сосредоточиваются лишь в отдельных местах? Почему границы определяют возможности? Насколько плохо жилось маме в Корее? Может, там она чувствовала себя еще более бессильной, чем здесь?

Распахнув белые занавески, Марго глянула на переулок с мусорными баками у стены здания, где соседские дети обычно играли в футбол и гандбол. Затем она подошла к шкафу с аккуратно развешанной маминой одеждой, в отличие от шкафа самой Марго в Сиэтле, где казалось, что весь ее гардероб перекочевал на пол. За эти годы мама насобирала так много вещей! Ничего по-настоящему ценного, но все же ценного для нее самой: старая кожаная куртка восьмидесятых годов, насыщенно-синее платье с большими подплечниками, простое черное платье-футляр, несколько юбок до колен, привезенных из Кореи, которые уже много лет на нее не налезали. Марго порылась в карманах и выудила всякую мелочовку: монетки, выцветшие квитанции, губную помаду и мелкие купюры.

Также в шкафу нашлась пара черных кроссовок, покрытых рыжей пылью, пахнущей чем-то вроде глины. Снова вспомнилась долгая поездка в Вегас много лет назад, на этот раз более отчетливо.

Из открытых окон по щекам бьет горячий воздух вперемешку с мелким песком, похожим на посыпку корейских пирожков ттоку, который ощущается на языке, сухой и зернистый. Над ними парят пухлые кучевые облака, а мимо проносится мир, раскрашенный во всевозможные оттенки охры. Взгляд мамы, твердый как кремень, устремлен на дорогу. По лицу и шее струится пот.

– Куда мы едем? – спросила Марго с заднего сиденья.

– В особенное место.

– А мороженое там будет?

– Надеюсь. – Ее взгляд смягчился. – Будет.

– Зачем ехать так далеко ради мороженого? – спросила Марго по-английски и рассмеялась.

– Не только ради мороженого, – ответила по-корейски мама.

– Наверное, это лучшее мороженое в мире. Самое большое.

Мама поправила воротник, откашлялась и с минуту крутила радио, раздраженная пронзительными звуками, помехами, голосом диктора и обрывками классической музыки.

– Будешь хорошо себя вести, я куплю тебе мороженое. Какое захочешь.

Она бросила на Марго взгляд в зеркало заднего вида. Позади них засигналила машина. Обгоняя их, водитель крикнул: «Вали обратно в свой Китайстан, курица!»

Марго вздрогнула так, будто незнакомец бросил в них камень. Костяшки пальцев мамы на руле побелели, однако она продолжала ехать с прежней скоростью.

Позже Марго задремала. Когда она проснулась, мама спросила:

– Хочешь воды?

Пить хотелось, но она отказалась.

– Возможно, мы… мы встретим кое-кого особенного в Лас-Вегасе, – неуверенно проговорила мама, ее голос дрогнул. – Кого я не видела уже много лет.

Мама изо всех сил сдерживала слезы. Наступили сумерки, на горизонте растянулась фиолетовая полоса с размытыми ярко-розовыми штрихами.

– Не знаю, стоило ли брать тебя с собой. Просто мне не с кем было тебя оставить.

Мама словно говорила сама с собой или с другим взрослым, а не пыталась объяснить происходящее шестилетнему ребенку. Только позже Марго поняла, что, как бы сильно ее ни злила их созависимость, все же мама была глубоко и невообразимо одинока.

Единственными, кто не осуждал ее, были бог и, возможно, маленькая Марго.

Подъехав к городской черте, они остановились в закусочной, где, к большой радости Марго, заказали чизбургеры и картошку фри. Добравшись до отеля, мама рухнула на кровать и тут же отключилась. Марго впервые ночевала вне дома и всю ночь не спала, исследуя новые виды, запахи, ощущения и словно охраняя сон матери. Простыни источали незнакомый ей химический цветочный аромат. Ковер под ногами сильно кололся. Телевизор казался огромным.

Весь следующий день они провели в номере, чего-то ожидая. К вечеру мама выглядела совершенно разбитой. У нее горели лицо и горло, будто от унижения. Она заказала китайскую еду в номер, и они молча ели жирную лапшу, жареный рис и свиные ребрышки из коробок. Затем мама пошла купаться, оставив дверь приоткрытой – наполнив ванну самой горячей водой, какую только могла вынести и от которой запотели все стекла, она сбросила одежду на пол и забралась внутрь. Волосы были завязаны в крошечный хвостик, лицо покрылось потом, как в сауне. Она откинула голову назад, обнажая шею, и закрыла глаза.

Марго нестерпимо хотелось расспросить маму: кого они ждут, почему она такая грустная, не потереть ли ей спину? Только она была слишком напугана, чтобы начать разговор. Марго размышляла, что же сделала не так и где обещанное мороженое.

Примостившись на краешке дивана, она смотрела передачу о живописи – бородатый мужчина с копной вьющихся каштановых волос быстро вырисовывал изгибы и тени впечатляющей альпийской горы, величественной и белой. Как странно, как дико представить, что этот пейзаж, так непохожий на картину за окном – сухую и выцветшую, горящую огнем днем и мерцающую неоновыми огнями ночью, – мог существовать на этой же планете. Марго заснула на диване, и ей снился снег, которого она никогда не видела вживую, и умывание ледяной водой из прозрачного озера, отражающего белые пики гор.

На следующий день мама – в темных очках, скрывающих опухшие от слез глаза, – собрала вещи и отвезла Марго в «Баскин Роббинс». Тогда она впервые побывала в кафе-мороженом. Внимательно изучив ассортимент всевозможных оттенков – шоколадных, ореховых, карамельных, – Марго выбрала шарик сливочного мороженого с крошкой печенья, которое стекало по рожку ей на руки. Мама заказала для себя клубничное и улыбнулась детскому восторгу дочери.

Встряхнув головой, чтобы отогнать воспоминание, Марго вновь посмотрела на запыленную кроссовку в руке и прошла в гостиную, где взяла с кофейного столика одну из брошюр с фотографией захватывающего дух сумеречного Гранд-Каньона, состоящего из рыжих пиков и темных теней. Цвет пыли на обуви соответствовал специфическому цвету пейзажа на фотографии. Возможно ли, чтобы мама носила эти кроссовки в Гранд-Каньоне или национальном парке? Только она ни за что не поехала бы никуда одна.

Марго позвонила в туристическое агентство. Она не ожидала, что кто-то возьмет трубку в воскресенье вечером, но ей ответил хриплый и утомленный женский голос.

– Я бы хотела узнать, обращалась ли к вам моя мама насчет тура? – спросила Марго. – И если да, то была ли она одна или с кем-то и… даже не знаю, приходила ли к вам в офис?

– Э-э, не уверена, что у нас есть такая информация, – ответила женщина, прочистив горло.

– Не могли бы вы заглянуть в свои записи? Ее звали Мина, Мина Ли. – Марго закрыла глаза. – Она умерла. – Голос сорвался. – И я хотела узнать…

– О боже, мне очень жаль! Секундочку… – Женщина положила трубку и вскоре вернулась. – Итак, похоже, она покупала у нас путевку в Гранд-Каньон на двенадцатое сентября.

Потрясенная, Марго спросила:

– Сколько дней она там пробыла?

– Три дня и две ночи.

– Была ли она… одна?

– Нет. У нее был гость.

– Гость? Но кто?

– Его имя у нас не зарегистрировано. Она забронировала двухместный номер.

– Возможно ли… даже не знаю, могу ли я как-нибудь поговорить об этом с гидом? Может, он их видел?

– Давайте вы оставите свой телефон, и он вам перезвонит?

Вероятно, мама надевала эти кроссовки для поездки в Гранд-Каньон. С кем же она была? С мужчиной или женщиной? Почему она ничего не сказала Марго? А что, если прямо перед смертью она с кем-то поссорилась? Почему она кричала? Марго никогда прежде не чувствовала себя такой покинутой и обманутой матерью. Что еще она скрывала?

Опустившись на четвереньки, Марго принялась рыться под кроватью, где хранилась куча коробок с пуговицами и мотками ниток. В углу что-то блеснуло. Она отодвинула кровать от стены, заглянула в угол и узнала обертку от презерватива. Отскочив, Марго резко толкнула

кровать на место, после чего плюхнулась на пол и сжалась в комок – обхватила колени руками и спрятала в них голову.

Просидев так какое-то время, она наконец встала, подавив отчаянное желание закричать и кинуться вычищать все до скрипа. На кровати лежал безвкусный плюшевый мишка, белый, но пожелтевший от времени, с лапками, вшитыми в красное сердечко. Марго едва не оторвала ему голову.

Придя в себя, она продолжила обыскивать квартиру. Во вместительной коричневой кожаной сумке обнаружилась жевательная резинка, листовки из церкви и маленькая салатовая записная книжка с адресами. Большинство имен в ней были на корейском, поэтому Марго потребуется много усилий, чтобы прочитать их и попытаться распознать.

Затем она перешла во вторую спальню, когда-то принадлежавшую ей, где мама хранила всевозможные документы и счета. В единственном комоде у стены оставалась старая одежда Марго. Понадобится бумага и ручка, чтобы составить список всех вещей.

Она полезла в потертый письменный стол, купленный когда-то на барахолке, где нашла пластиковый поднос с цветными и угольными карандашами, качественными немецкими ластиками и точилками, которые Марго собирала в детстве, хотя почти не пользовалась. Она словно хранила все эти сокровища для какого-то особого дня, вместо того чтобы наслаждаться ими в настоящем. Только на какое будущее она надеялась? Разве на такое, как сейчас, где для творчества не было места? У нее было столько идей, которые она так и не воплотила в жизнь, столько набросков, о которых не вспоминала долгие годы. Марго вдруг поняла, что в какой-то момент погибла и ее фантазия, задушенная потребностью в практичности, стабильности, чувстве ценности в этом мире, который, казалось, всегда измерял тебя какими-то шаблонами, созданными… для кого, кем? Только не ей. Только не мамой.

Марго вытащила поднос из ящика, чтобы лучше рассмотреть. Под ним лежал конверт. Вскрыв его, она обнаружила черно-белый некролог, вырезанный из местной корейской газеты и датированный октябрем. Текст, который Марго могла прочитать, но не понять, отпечатывался на пальцах. Она изо всех сил пыталась различить знакомые слова, однако разум, как сеть, пропускал бóльшую часть мимо. Все, что ей удалось разобрать, это «рак», «супермаркет», «жена», «Калабасас»[8] и «церковь».

Марго была уверена, что никогда не встречала мужчину на фотографии, и все-таки он показался ей до боли знакомым – она узнала свои собственные черты на его лице: та же квадратная челюсть, довольно похожие нос и скулы. Она будто заметила свое отражение в зеркале.

Его звали Ким Чанхи.

Вот наконец-то и он. Незнакомец на крошечной черно-белой фотографии. Возможно, Марго когда-то даже прошла мимо него на улице и не обратила ни малейшего внимания.

Теперь он был мертв. Что, если он – отец Марго?

Она закричала, и звук, вырвавшийся из горла, шокировал ее саму.

[8] Калабасас – город в округе Лос-Анджелес.

Мина

Лето 1987 г.

Проработав полтора месяца в подсобке, таская коробки и раскладывая продукты, Мина снова почувствовала себя сильной – впервые с октября прошлого года, когда погибли ее муж и дочь. Она казалась себе почти могущественной. Ей не то чтобы нравился свой внешний вид, просто она не видела в этом проблемы. Она не искала себе мужчину. Ей было достаточно того, что она имела – деньги на жилье и еду, а также сбережения на лечение и будущую жизнь, чтобы продержаться до того момента, пока не придет время умереть и воссоединиться с семьей. Таким был рай в ее представлении: с мужем и дочерью, несколькими монахинями из приюта, которые хорошо к ней относились, и с родителями, потерянными во время войны.

Мина смутно помнила лица родителей, улыбку мамы. Память сохранила их веселые игры – как мама гонялась за ней по всему дому, как она пряталась за большими темными колоннами. Изящно изогнутые линии крыши дома. Жар ондоля[9], теплые полы зимой. Огород, где мама выращивала капусту и редьку дайкон. Запах твенджан ччигэ, кипение бульона из хамсы, вкус сладкой каши из красной фасоли. Голос мамы, подпевающий некой песне – что-то старое, напоминающее оперу. Позже Мина пыталась найти эту песню, часто останавливалась и слушала радио, надеясь вновь ее услышать – напрасно.

В супермаркете у нее появилось несколько друзей, мужчин и женщин, в основном латиноамериканцев, с которыми она едва могла поддержать разговор. К радости Мины, они научили ее нескольким испанским словам и фразам. Она смеялась вместе с ними над своей неспособностью произносить и запоминать самые простые слова. Мина не дурачилась так со смерти родных.

Гектор, который помогал ей с самого первого дня, и Консуэла, полная женщина с редкими волосами, завязанными в хвостик, спрашивали Мину: *Como estas, amiga?* – «Как дела, подруга?» А она отвечала: *Bueno, y tu?* – «Хороший, а у тебя?» *Bien* – поправляли они ее – «Хорошо». И все дружно смеялись.

Мина также выучила названия фруктов – *naranja, limon, las uvas* – апельсин, лимон, виноград.

У нее были проблемы со звуками *l* и *v*, и она тренировала произношение вслух, пока аккуратно, чтобы не повредить, раскладывала фрукты в зале. Приятно иногда отвлечься, не воспринимать себя слишком серьезно, увидеть себя со стороны.

Мина хотела было взамен обучить новых знакомых корейскому, но те уже знали большинство слов, которые могли пригодиться им в работе. Они умели здороваться и благодарить, знали все числа (*хана, дул, сет* и так далее), названия разных овощей и фруктов. Мина с приятным удивлением слушала, как неазиаты говорят на ее языке – такое было для нее в новинку.

Америка вообще не переставала ее удивлять.

Однажды, через два месяца после переезда в Лос-Анджелес, Мина, вытирая пот со лба, выкладывала на полки безалкогольные напитки: «севен-ап», «пепси», «кока-колу» и фруктовые соки термоядерных цветов, не существующих в природе. Американцы поглощали гази-

[9] Ондоль – традиционная система обогрева домов в Корее, которая проходит под полом.

ровку в невероятных количествах. Мина изредка пила «севен-ап», когда у нее болел живот[10], а вот американцы, казалось, потребляли газировку вместо воды.

Тем пятничным утром к ней вальяжной походкой подошел владелец супермаркета мистер Пак в своей обычной светлой футболке поло и брюках цвета хаки, на его губах играла заговорщицкая улыбка. По спине Мины пробежали мурашки, она в ужасе застыла, борясь с желанием скрыться. Прежде он никогда не предпринимал неуместных действий, и все же она терпеть не могла его липкого взгляда, задерживающегося на ней слишком долго, будто она принадлежала ему.

– Как у вас дела? – начал он.

– Нормально.

Алюминиевые банки блестели, как патроны, а бутылки походили на ракетные снаряды.

– Уже завели друзей?

– Вроде того.

– Слышал, вы подружились с мексиканцами.

Мина слегка нахмурилась: ей не понравилось, как он произнес эту фразу.

– С Гектором, Консуэлой, – подсказал мистер Пак, неправильно истолковав ее выражение лица.

– Да, они приятные люди. – У нее задрожали колени.

– Они много работают.

– Действительно.

– Они же не виноваты, что у них нет… ну, этого, делового чутья. – Мистер Пак коснулся виска, как бы показывая на свою черепную коробку.

Мину так и подмывало спросить: «С чего вы взяли? Вы вообще когда-нибудь с ними разговаривали?» Вот идиот! Мерзкий, бесчувственный тип. Ее ладони сжались в кулак.

– По крайней мере, они много работают, – повторил он, окидывая ее липким, неприятным взглядом.

– Да, – сухо ответила Мина. Она пыталась сосредоточить все внимание на линолеуме, испещренном пятнами, как перепелиные яйца. Раньше ей казалось, что она хорошо спряталась в складском помещении, в проходах между коробками, бутылками и банками, а теперь, под его пристальным взглядом, она чувствовала себя как на витрине.

– В общем, я подумал, что пора вас перевести. – Мистер Пак улыбнулся. – Один из наших кассиров уходит на пенсию.

Возможно, среди людей будет безопаснее.

– Было бы… замечательно.

– Хотите начать со следующей недели?

– Почему бы нет. – На глаза навернулись слезы облегчения.

– Тогда просто подойдите к одному из кассиров и спросите мистера Кима, хорошо? Он вам поможет. – Мистер Пак подмигнул ей.

– Мистера Кима? Поняла.

– Молодчина. – Эта похвала походила на грязные руки, пытающиеся до нее дотронуться.

Как только хозяин ушел, по щекам потекли слезы. Мина почувствовала на губах их соленый вкус, напомнивший океан, и поспешно вытерла лицо.

Ей нравилось общество Гектора, Консуэлы и других работников, которые каждый день приветствовали ее тем или иным способом – жестом, улыбкой или кивком, но должность кассира лучше оплачивалась и была физически легче. В конце концов, она уже не молода. Об этом ей ежедневно напоминали одеревеневшие мышцы и суставы.

---

[10] Существует мнение, что газировка помогает при проблемах с желудком.

Позже Мина присоединилась к Гектору, чтобы пополнить запасы в отделе овощей, который в тот день быстро истощился. Пока они работали (он привозил из подсобки тележки с листовой зеленью и корнеплодами, а она аккуратно их раскладывала), она подумала, что, возможно, следует рассказать товарищу о переводе. Вдруг ему покажется странным, если она не предупредит и потом он сам увидит ее на кассе. Только как это сделать? Мине было сложно подбирать слова, и она боялась его обидеть.

– Я… В понедельник… Я иду в кассу, – неуверенно сказала она по-английски.

– Вы? – переспросил он.

– Да, я.

– О, хорошо, хорошо. – Он тепло улыбнулся, словно похлопывая по спине. – Хорошо. Вы работать хорошо, ладно?

– Ладно.

Гектор молча помог Мине разложить красный салат. Она чувствовала его покорность судьбе. Гектор с Консуэлой уже лет сто горбатились на одной и той же должности.

Конечно, работа напрямую с корейскими покупателями требовала знаний корейского, но все же Гектор с Консуэлой уже неплохо владели языком и при необходимости могли бы еще подучить. Было очевидным, почему именно Мина получила повышение, а не они.

Ей хотелось успокоить его, объяснить, что она недостаточно сильна для такой работы, но это было бы ложью, и они оба это понимали. Правда их обоих расстроит и вызовет неловкость. К тому же Гектор нисколько не удивлен. Должно быть, с ним такое не впервые. Поэтому Мина ничего не сказала.

– *Hasta luego*, – со слабой улыбкой попрощалась она по-испански в конце смены.

– *Hasta luego*, – ответил Гектор, избегая ее взгляда.

В понедельник Мина пришла на обучение к мистеру Киму, оказавшемуся тем самым привлекательным корейцем. Он действительно был немного моложе ее, у него была гладкая смуглая кожа, квадратное лицо, высокие скулы и застенчивая, несколько асимметричная улыбка. Он был невысок, примерно одного роста с Миной, поэтому, разговаривая с ней, смотрел ей прямо в глаза, чем сильно ее смущал. В своих широких брюках, розовой футболке поло и поношенных кроссовках она казалась себе неопрятной.

Когда мистер Ким показывал ей кассу и бланк, в который нужно записывать точную сумму в кассе в начале и конце смены, она не могла не любоваться его руками – тонкими, но жилистыми, покрытыми светлыми волосками. Ей всегда нравились руки. К тому же лучше смотреть на них, чем ему в лицо.

В первый день работы за кассой Мина долго возилась с наличными, и покупатели недовольно пялились на нее, теряя терпение, слишком занятые своей собственной жизнью, своими собственными заботами, чтобы заметить отсутствие у нее опыта и то, как она старается учиться быстрее.

– Вот двадцатка. Верните мне три доллара пятнадцать.

– Хорошо.

– Нет, не так. Позвольте облегчить вам задачу. У меня есть точная сумма.

Мина все еще привыкала к доллару, к размерам монет, к достоинствам купюр, которые кажутся одинаковыми на первый взгляд, но все же немного отличаются. К счастью, Марио, упаковщик продуктов, работавший с ней – с колючим ежиком на голове и мягкими манерами, – был терпелив. Он помогал ей с кассовым аппаратом, улыбался и извинялся по-корейски перед покупателями, пока она стояла в растерянности, вынужденная использовать часть мозга, которая за эти годы заржавела от неупотребления. В свободное время Марио помогал мистеру Киму или другим кассирам поднимать на тележки мешки с рисом или коробки с продуктами.

Несколько часов спустя Мина приноровилась к сканеру штрихкодов, запомнила некоторые коды для популярных товаров, довела до автоматизма получение денег и подсчет сдачи.

Хотя работа не требовала физических усилий, присутствие покупателей, нетерпеливо ожидающих в очереди, и необходимость постоянно оставаться дружелюбной, необычайно утомляли. Все эти взгляды. Нервировало пристальное внимание покупателей, следящих за тем, чтобы она не ошиблась. Однако Мина уверяла себя, что скоро привыкнет. В конце концов люди станут подобны бутылкам соевого соуса, которые она расставляла на полках, – просто еще одним элементом повторяющейся, по сути, бесчувственной работы.

Шпинат. Соевая паста. Тонкая рисовая лапша. Мешок риса. Чеснок. Мороженое из фасоли. Два апельсина. Пакетик имбиря. Упаковка из шести банок «Хайта». Пачка картофельных чипсов. Пучок зеленого лука.

В конце смены мистер Ким, весь в мыле, пришел ее проверить. Тем не менее он старался вести себя с ней как можно более мягко и доброжелательно. Сверяя оставшиеся деньги в кассе с тем, что она записала в отчете, он спросил, есть ли у нее какие-нибудь вопросы, и вытер потный лоб голым предплечьем. Мина достала из кармана салфетку и протянула ему.

– Спасибо, – улыбнувшись, поблагодарил он по-английски.

– Не… за что? – неуверенно спросила она и рассмеялась оттого, что все еще плохо выговаривает некоторые буквы.

– Вы сегодня хорошо поработали.

– Спасибо! – Их взгляды встретились, и Мина ответила на его улыбку.

По дороге домой она сидела в начале автобуса, уставившись в пространство и оцепенев. Ей хотелось поскорее добраться до дома, принять душ и закрыть глаза. Жаль, у нее нет телевизора, чтобы отвлечься от волны печали, поднимающейся внутри. Может, ей не стоило соглашаться на эту работу? Сумеет ли она справиться с недовольными взглядами и нетерпением покупателей? Сможет ли привыкнуть к необходимости постоянно контактировать с людьми, когда единственное ее желание – остаться в одиночестве, ни о чем не думать и ничего не чувствовать; физической болью от нагрузки заглушить все остальное, как наркотиками?

Мина понимала, насколько легко и приятно попасть в сети зависимости. После смерти мужа и дочери она несколько раз напивалась до беспамятства. Похоронив любимых, Мина хотела броситься вслед за ними в ту же яму. Она начала пить, а на следующий день просыпалась с жуткой головной болью и ползла в ванную, где ее рвало.

Разумеется, такой образ жизни не мог продлиться долго. Теперь же самое главное – быть хорошей и упорно трудиться, чтобы попасть на небеса, где ее ждут любимые. Вот и все, что имело значение. Даже мистер Пак с его словами, которые словно касались ее кожи, оставляя липкий след, не мог сбить ее с пути.

Покачиваясь из стороны в сторону в автобусе, Мина пыталась уверить себя, что все будет хорошо. Она привыкнет к кассовым аппаратам, к наличным, к людям, а если нет, то всегда сможет попросить хозяина вернуть ее на прежнюю должность или заняться чем-то еще, даже найти другое место. И, заработав достаточно, она найдет юриста, который поможет остаться в стране навсегда. Вспомнив о мрачных днях, проведенных в Сеуле после смерти любимых, о квартире, улицах, по которым они когда-то ходили вместе, она поняла, что никогда не сможет вернуться в Корею. Вся страна превратилась для нее в кладбище.

Мина посмотрела на водителя автобуса, чернокожую женщину примерно ее возраста, с каре, уложенным внутрь. Та проводила в автобусе целый день, выполняя свою работу – маневрируя в потоке машин, и в то же время ей приходилось реагировать на потребности пассажиров, которые могли быть добрыми и дружелюбными, а могли – раздраженными и грубыми. На женщине лежала ответственность за то, чтобы каждый день отвозить всех этих людей домой или на работу.

Водитель оглянулась на Мину:

– Эй, все путем?

– Что?

– Все нормально?

– Да, спасибо.

Мина хотела добавить что-то еще, просто не знала, что именно и как. Может, спросить в ответ, как у нее дела? Нет, будет неловко.

Почему водитель обратилась к Мине? Может, забеспокоилась? Или ее начал напрягать долгий взгляд?

Мина поспешно вышла из автобуса и прошла меньше чем полквартала до дома. Зайдя к себе в комнату, она взяла пижаму и полотенце, чтобы сходить душ и смыть с себя весь этот день (все деньги, подсчеты, нетерпеливых покупателей, благодарность мистера Кима на английском, его улыбку). Нужно очистить голову, расслабиться.

Взявшись за ручку, чтобы выйти, она услышала, как в коридоре хозяйка обратилась к ее соседке, назвав ту миссис Бэк. Так Мина узнала, как зовут ее онни.

Марго

Осень 2014 г.

Напротив закрытой лавки мамы находилась лавка детской одежды ее подруги Альмы – вероятно, одной из последних людей, кто видел маму. Она могла заметить что-то или кого-то подозрительного.

Марго с Мигелем вошли в безлюдное помещение. На креплениях вдоль стен, подставках и вешалках висела детская одежда – маленькие джемперы супергероев для мальчиков и костюмы принцесс и пони для девочек.

– Может, она отошла в туалет? – предположила Марго и вернулась в проход, нырнув под крошечное белое платье, завернутое в пакет. Мигель последовал за ней.

– Подождем?

– Давай пока откроем мамину лавку и посмотрим, что удастся найти там. Мы увидим, когда Альма вернется.

Мама работала на рынке «Меркадо де ла раса» – бывшем складе с жестяной крышей, высокими потолками и бетонными полами, набитом торговыми лавками. Он располагался на юго-востоке Лос-Анджелеса – в пыльной местности с полуразрушенными фабриками и продавцами фруктов на углах с пакетами апельсинов. В этом районе доминировало латиноамериканское население рабочего класса, образующее собственное сообщество среди руин оборонной и обрабатывающей промышленности.

Местные жители собирались по выходным на рынке, где повсюду играла мексиканская музыка региональных жанров – например, банда или нортеньо. По проходам под руку с детьми мирно бродили мужчины с татуировками на лице и шее. Церкви арендовали крытый угол парковки рынка для выступлений и религиозных собраний, а семьи – для кинсеаньер – традиционных в Мексике празднований пятнадцатилетия девочек.

В такой местности, пересеченной железнодорожными путями, где повсюду валяется обычный и крупный мусор вроде матрасов, старой мебели и сломанных тележек, мама Марго и другие корейские иммигранты зарабатывали на жизнь, арендуя относительно дешевые помещения. Даже Корейский квартал оказался слишком конкурентным и дорогим, поэтому они перекочевали в другие округа – Южный Централ, Белл или Хантингтон-Парк, – работая за прилавками по десять часов в день, порой без выходных, астрономически далеко от своих домов и привычного уклада жизни.

Марго терпеть не могла ходить сюда с мамой по выходным и по будням во время каникул, когда, по ее представлению, остальные дети во всем мире наслаждались свободой, катаясь по белому песку или изумрудной траве. Она же вместо этого торчала на рынке среди пластиковых вешалок и одежды, пахнущей химическими красителями, а мама, изнемогая от усталости, порой даже срывалась на крик.

«Amiga! Amiga!» – с корейским акцентом кричала она покупателям, когда те уходили, лишь просмотрев вещи на полках. Этот образ запечатлелся в памяти Марго – вид удаляющихся женских спин, обращение *amiga* к женщинам, которые не нуждались в подруге, мамины попытки говорить на их языке: *«Amiga!* У меня вам что-то есть». Ее не слышат, на лице отражается печаль… нет, скорее стойкое принятие отказа. Марго отлично помнила тон маминого голоса в самые отчаянные времена, когда та не знала, сможет ли заплатить за квартиру или купить продукты, – крик женщины, которую выбросило за борт и она барахталась в воде и звала на помощь других женщин, проплывающих мимо на шлюпках.

Теперь же, вновь вернувшись на рынок после долгого отсутствия, Марго поразила окружающая ее грязь. Ужасно, что Мигель – человек из ее мира среднего класса в Сиэтле с посудомоечными машинами, вещами из флиса и бутылками воды из нержавеющей стали – увидит другую неприглядную сторону ее детства и юности. Марго привыкла стыдиться своего дома, работы мамы, своей жизни.

Вот только почему?

Возможно, зеленые лужайки и торговые центры лишь одно из воплощений американской мечты, а это место – другое. Теперь Марго это понимала. Да, оно не соответствовало общему представлению; его не показывали с состраданием во всей своей многогранности по телевизору или в кино, потому что оно воплощало в себе все то, чего боялись и потому презирали люди среднего и высшего класса, включая Марго, – кажущейся неизбежной, циклической бедности. И все же в действительности эта жизнь тоже является воплощением американской мечты, ради которой люди покидают родину и трудятся день и ночь. Здесь они строят и развивают то, что любят: семью, дружбу, общество, чувство общности. Это их версия мечты.

Марго отперла замок на ржавых воротах, складывающихся вверх гармошкой, с помощью ключа, который нашла в маминой сумочке, и приподняла их так, чтобы можно было проскользнуть внутрь – в женскую версию лавки Альмы, битком набитую одеждой. На стенах висели изящные вечерние платья, обтягивающие кофточки с вырезами на плечах, скромные вышитые блузки для женщин в возрасте и джинсы, к которым булавками были приколоты цветные картонки с надписями маркером: «Распродажа 20 долларов».

На пыльном стеклянном прилавке возвышалась керамическая Дева Мария, близнец разбитой дома в гостиной. Рядом стоял кассовый аппарат с пустым выдвинутым ящиком для наличных и сломанным краем – жалкое зрелище. Мама всегда оставляла его приоткрытым, чтобы отвадить воров, как бы говоря: «Здесь ничего нет. Пожалуйста, уходите».

Марго подошла к тому месту, где мама обычно прятала размен – под стопкой бесплатных календарей в одной из витрин для бижутерии с ожерельями со стразами и серьгами, большими кольцами из бисера, пластиковыми браслетами, – мама надеялась, что когда-нибудь их возьмут в дополнение к купленной одежде. Там нашелся перевязанный резинкой сверток с мелкими купюрами.

– Ну, деньги на месте, – сказала Марго, вставая из-за витрины, и тут обнаружила, что Мигель не последовал за ней внутрь.

Он остался в проходе и теперь разговаривал с Альмой, которая плакала и вытирала глаза салфеткой. Марго спрятала деньги в сумочку с ремнем через плечо и подошла к ним. Альма распахнула объятия ей навстречу, и Марго в них упала.

Альма знала их семью около двадцати лет, они познакомились после массовых беспорядков в Лос-Анджелесе – когда на улицах валялись осколки и стоял черный дым, – из-за которых пострадал первый бизнес мамы, расположенный в паре километров отсюда, на другом, гораздо более опрятном рынке, где лавки были отделены друг от друга полноценными стенами и закрывались на стальные ворота.

Альма наблюдала за ростом Марго из лавки напротив – проход был одновременно узким из-за переполненных стеллажей с товарами и необъятно широким из-за различия языков и культур. Круглое лицо Альмы с жирной кожей, казалось, почти не старело, в то время как Марго прошла через множество неловких стадий собственного взросления – из застенчивого ребенка с косичками или аккуратным каре она постепенно превратилась в одиннадцатилетку, которая посреди ночи красила волосы в темно-синий и после школы курила сигареты, а затем выросла в гораздо более сдержанную студентку колледжа, которая понимала, что диплом может быть единственным способом избежать такой жизни.

Марго разрыдалась. Альма отстранилась и, заключив ее лицо в ладони, заглянула в глаза и пробормотала: «*Pobrecita*»[11], после чего снова обняла.

– Когда вы видели ее в последний раз? – спросил Мигель по-испански.

– В последний раз я ее видела… около двух недель назад, – ответила Альма, когда они разомкнули объятия. – Перед Днем благодарения. Может, в выходные.

Марго более или менее понимала испанский при бытовом общении, но, как и в случае с корейским, ей было сложно составлять предложения. Страх показаться глупой или быть неправильно понятой действовал как сито, через которое проходила любая речь, даже английская. Поэтому ей было в принципе сложно разговаривать, а иностранные языки имели в ее сознании более плотную структуру, поэтому еще медленнее подбирались ко рту и выходили наружу.

– Она взяла отгулы на все праздники? – по-английски удивилась Марго. – Как странно.

Мама всегда работала по праздникам, включая День благодарения и Рождество, лишь закрывалась на пару часов раньше обычного. На День благодарения они иногда заказывали цыпленка из KFC – голени и бедра с двойной хрустящей корочкой и острым соусом. А по средам не работал весь рынок. Значит, в последний раз перед смертью мама должна была прийти на работу во вторник.

– Вы не заметили в ней ничего странного? – спросил Мигель.

– Да, последние пару месяцев она казалась грустной, – ответила Альма. – Очень грустной.

– Почему? – вмешалась Марго.

– Сначала я подумала, что у тебя какие-то проблемы. А она заверила, что у тебя все в порядке, хорошая работа, тебе очень нравится Сиэтл. – Альма высморкалась. – Тогда я подумала, может… какие-то проблемы в семье, в Корее, например, кто-то заболел или умер, и поэтому ее так долго не было.

Она жестом попросила их подождать и, сбегав за коробкой с салфетками, продолжила:

– Я думала, она все это время была в Корее. Может, в семье кто-то умер или заболел. Она выглядела очень грустной.

Марго вспомнила о некрологе, который нашла вчера вечером, и то, что сумела разобрать: «Рак», «супермаркет», «жена», «Калабасас», «церковь». Лицо на крошечной черно-белой фотографии казалось ей ее собственным привидением. Может, мама оплакивала этого мужчину? Был ли он тем же мужчиной, тем самым гостем на шикарной машине, о котором говорил хозяин дома? Иначе зачем она сохранила его некролог? Наверняка он многое для нее значил. Вот только если он умер в октябре, на кого тогда она кричала? Действительно ли ее смерть была несчастным случаем?

Марго казалось, будто ее накрывает волной, она почти ощущала соленый привкус во рту. Слишком много на нее навалилось – сначала смерть мамы из-за несчастного случая, потом возможность убийства, а теперь незнакомый мужчина, тоже погибший, который мог приходиться ей отцом.

Между ними в узком проходе протиснулась продавщица чампуррадо[12], оставляя в воздухе запах горячего шоколада, корицы и кукурузы.

– К ней кто-то приходил? – спросил Мигель.

– Насколько мне известно, нет. – Альма сочувственно посмотрела на Марго и положила ладонь ей на плечо. – Хочешь воды?

– Нет, нет, спасибо.

– Она часто общалась вон с той кореянкой. – Мексиканка указала на лавку где-то позади себя. – Продавщицей носков. Ты ее знаешь?

– Носков?

---

[11] Бедняжка (*исп.*).

[12] Чампуррадо – горячий мексиканский напиток из молока, кукурузной муки и шоколада.

– Носков, нижнего белья, пижам и прочего. – Альма снова высморкалась. – Она не так давно здесь работает, с весны, кажется. Они с твоей мамой быстро подружились или даже, казалось, уже были подругами, очень близкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.